

Татьяна Гуськова

Дети ночного неба

Татьяна Гуськова
Дети ночного неба

«Автор»

2009

Гуськова Т.

Дети ночного неба / Т. Гуськова — «Автор», 2009

Сильна и могущественна Империя, ее Императоры мудры, воины могущественны, а границы охраняет пять кланов оборотней, тех что отказались от своей темной природы и поклялись в верности Императору. Никто не может проникнуть в Империю через зачарованные ворота в горных крепостях, не существует врага, который мог бы угрожать стране. Но вдруг один из кланов, Шеверы – Мглистые Волки, нападает на своих соседей и полностью уничтожают Каеш, клан Спящей Кошки. В живых остается только наследница, танцовщица с мечом, по воле судьбы пребывавшая в этот момент в столице. Да и ее не оставляют в покое. Чиа Каеш превращается в разбойницу и беглянку, за голову которой назначена награда. Затаиться и спрятаться не удастся: в одном из городов ее узнают и ловят, чтобы доставить к Императору. Из плена девушке помогает выбраться один из уцелевших Шеверов. Уничтожив стражу, он хочет хоть как-то вернуть кровный долг, но оборотень погибает в схватке, наградив долгом саму спасаемую – у него был ученик, обычный мальчик, о котором теперь придется заботиться Чиа.

© Гуськова Т., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Татьяна Гуськова

ДЕТИ НОЧНОГО НЕБА

Глава 1

Еще вчера мир казался серым из-за скрывавших небо туч и сильный снегопад заставил меня оставаться на месте дольше, чем было задумано. Сегодня же радостно светило солнышко, делая мир ослепительно блестящим. Морозец покусывал за лицо и колени, прикрытые всего лишь тонкими штанами, ветер раздувал плащ, а щеки даже немного потеряли чувствительность.

Вокруг простирались поля, засыпанные снегом, только изредка эту белизну разбавляли черные росчерки сухих стеблей полыни и желтовато-серая бахрома травяных колосков. Вдали темнел лес. Оставшаяся позади деревня давно скрылась из виду, а город должен был появиться на горизонте только к вечеру. Я надеялась дойти засветло, хотя дни в начале зимы уже короткие. Ночевать зимой в чистом поле не хотелось.

По дороге недавно проехал кто-то на сани, и оставил на дороге две узкие колеи, по одной из них я и шла, радуясь, что не надо брести по сугробам, проваливаясь по колено.

До города я добралась вместе с последними лучами заходящего солнца. Еще даже не совсем стемнело, и ворота были открыты, но стражники затребовали с меня целых четыре серебреника вместо одного, как будто я вошла глубокой ночью.

Хозяин единственного в этом городишке трактира «Зубастый Кувшин» (название говорит само за себя), оказался не меньшим грабителем, и на все возражения по поводу неприемлемой цены отвечал – дешевле ночевать только под мостом. Дальше от границы, в глубь страны, трактиры и вовсе редко встречаются, это аднская придумка – есть всем вместе в одном зале. В имперских гостиницах существуют отдельные комнатки для вкушения пищи, или же постояльцам еда подается в комнаты.

Несмотря на высокие цены, мест было мало, и мне досталась небольшая каморка рядом с кладовкой, без окон и кровати, но зато за полтора шерла золотом, что и по столичным ценам было вполне приличной ценой.

Я с тоской посмотрела на тощий кошелек и пошла с поклоном к хозяину. Он сидел за стойкой в главном зале и о чем-то оживленно беседовал с худым мужчиной в форме стражника.

– Чего тебе? – спросил он, увидев, что я стою и нагло слушаю их.

– Разговор есть.

– Дешевле ночевать только под мостом.

– Нет, я не об этом. Ты не против будешь, если я устрою тут небольшое представление, которое развлечет твоих клиентов, а четверть выручки тебе.

Трактирщик состроил непонятную гримасу.

– Половину.

– Ну нет, так не пойдет! Я, понимаешь, собираюсь развлекать его клиентов, которые скоро от скуки устроят что-нибудь веселенькое, драку, например, а он меня ограбить хочет. Да ты еще сам мне должен приплатить за то, чтобы я веселила твоих постояльцев.

– Третью, и ни серебреником меньше.

– Ладно. Прикажи слугам, чтобы они немного сдвинули столы и освободили центр зала.

Он кивнул, а я пошла переодеваться, заметив, что посетители заинтригованы приготовлениями.

Сложно носить с собой костюм танцовщицы полностью, но традиционные браслеты с лентами и меч, да не один, всегда были при мне. Я достала из мешка футляр с мечами. Сверху

лежал Тшиту. Несмотря на роскошный вид, большой цены он не имел. Жемчужины на эфесе были фальшивыми, блеск лезвию придавал специальный лак, а не мастерство кузнеца, но благодаря крохотным свирелям, встроенным в гарду и рукоять, он неплохо пел и для развлечения местной публики вполне годился. Я достала Тшиту, оставив Шайру лежать в футляре, и развернула ткань, в которую он был завернут, вынула браслеты. Укрепить на них ленты привычному человеку – минутное дело. Сняв тиску¹ и рубашку, я надела маленькую безрукавку из тонко выделанной кожи (большее обнажение среди здешнего люда могло доставить некоторые неприятности) и надела на руки браслеты. Решив, что мои штаны вполне сойдут для танца, сменила сапоги на туфли и укрепила вторую пару браслетов на ногах. Ленты рассыпались по полу, взяв свободные концы, я привязала их к специальным ушкам на поясе так, чтобы шелковые полоски ткани свободным полукругом свисали вдоль ног.

В глаза бросилась темная вуаль, хранившаяся вместе с лентами. Я хотела ее надеть, но в последний миг передумала и, просто стянув волосы в хвост на затылке, пошла в зал.

Там уже все было готово, хозяин даже повесил занавески перед входом. Он стоял перед ними, наблюдая за возбужденной до предела публикой.

– Ну что, все готово?

Он обернулся с недовольной гримасой.

– Что так дол... – тут увидел мой наряд, маленькие глазки зацепились за пряжку на поясе, и недовольство сменилось подобострастным выражением.

– Госпожа шакья², да что же вы сразу-то не сказали?!

Я прервала его излияния, напомним о зрителях в зале. Трактирщик кивнул и, выйдя за занавески, объявил мой выход.

Тут же стало тихо, как во время моих других выступлений. Тогда я заставляла зрителей ждать, пока тишина не зазвенит, и торжественная песнь воинов шакья сопровождала мой выход, и Шайра гордо блестела в моих руках.

Тшиту тихо звякнул, когда я раздвинула им занавески. Первые тоскливые ноты заставили меня вздрогнуть, и удивленно уставиться в темноту зала, где одинокий голос за кругом свечей приветствовал меня. Шакья! Собрат воин. Неожиданно мне стало стыдно за неряшливый наряд и фальшивый меч, но что-то менять было уже поздно, и я шагнула в круг свечей.

Задуманный мной танец назывался «Лунное Сияние». Этот самый простой, но зрелищный танец, рассчитанный на непосвященную публику, танцевали даже простые уличные танцовщицы, но при дворе он считался дурным тоном. Довольные зрители, после того, как последнее движение было завершено, завопили, требуя продолжения, и это грубое нарушение обычаев шакья будто перевернуло все внутри. Я словно почувствовала из темноты немое страдание того, кто пел мне, и, сделав несколько взмахов мечом, привлекла к себе внимание зрителей.

– Я рада, что вам понравилось мое мастерство, но, прежде чем я продолжу, не согласитесь ли вы оплатить его?

Лучше бы я этого не говорила – первая монета чуть не вышибла мне глаз.

– Полегче, неужели я вам так не угодила, что вы хотите меня убить?

Возражение возымело действие.

После того, как вполне приличный дождь из монет иссяк, я вновь вышла на середину круга.

– А сейчас особый танец. Он для того, кто приветствовал меня.

¹ Тиска – верхняя одежда, может быть уличной и домашней, в зависимости от этого выбирается плотность ткани и подкладка. Длиннополое одеяние с рукавами и капюшоном.

² Шакья – потомственный воин. Танцовщицы с мечом, происходящие из таких семей, тоже шакья.

Наверное, каждый в зале довольно вздохнул, думая, что я говорю про него, ведь он так громко хлопал и орал.

И я начала танец. Это было все то же «Лунное Сияние», но его более древний, изначальный вариант, такой, каким его танцевала Шаванси перед Лугшем, духом тьмы.

Тшиту жалко визжал, не успевая за ритмом, он был неприспособлен для подобной скорости, его фальшивое лезвие свистело в воздухе, грозя отлететь куда-нибудь.

Когда ритм замедлился, и я получила возможность осмотреться, мне почему-то бросилось в глаза самодовольное лицо человека в форме стражника, того, с которым разговаривал хозяин. Но долго думать над этим времени не было, танец вновь увлек меня, заставив забыть обо всем.

Снилась мне тишина. Тишина, что наступила в зале, после того, как я закончила танцевать. Тишина недоумения. Люди не могли понять, что они увидели. Хорошо это или плохо? Они расходились молча, погруженные в себя, и на плату я могла не рассчитывать. Того шакья, что всколыхнул во мне воспоминания, приятные и нет, я так и не нашла. Трактирщик никакого другого шакья, кроме меня, припомнить не смог.

– Вставай! – меня грубо потрясли за плечо. Удивленная появлением кого-то в своей вроде бы запертой камере, я открыла глаза. Над моей постелью возвышались двое стражников.

– В чем дело?

– Это тебе господин наместник объяснит.

Я, недоумеваю, оделась, ссориться с местной властью не хотелось. Но что могло понадобиться наместнику от меня? Взглянув на туповатые и недобрые лица своих сопровождающих, я решила, что спрашивать у них не стоит.

К резиденции наместника пришлось тащиться почти через весь город, что при размере одного, вовсе не так далеко.

Роскошеством убранства ни внешняя, ни внутренняя сторона наместничьего дома не поражала, скорее даже наоборот – были заметны следы упадка и разрушений. Наместника мы застали во дворе.

– О, это вы уже вернулись, а я только хотел верхом прокатиться.

Конюший, словно подтверждая его слова, вывел во двор роскошного серого в яблоках жеребца, который не соответствовал ни наместнику, ни его дому, наверняка взятка от какого-нибудь купца за возможность беспošлинно торговать в городе. Конек норовисто фыркал, прыгал ушами и дергал головой, норовя вырвать поводья из рук.

– Красавец, правда? – наместник, видя мое восхищение, похлопал зверя по шее. – Ладно, Севр, ты пока погуляй с ним, а я займусь госпожой Чиа, или вы предпочитаете, чтобы вас называли Альча?

При звуке собственного имени сердце замерло в груди. Наместник, видя мое смущение, довольно улыбнулся и шутовски поклонился, приглашая пройти в дом.

Когда мы зашли в кабинет, он уселся за стол, кивнув мне на низенькое сиденье, застеленное расшитым покрывалом, впрочем, изрядно затертым.

Я решила идти в атаку.

– Что за безобразия такие, почему честным людям спокойно жить не дают?! Тащат их ни свет, ни заря через весь город, называют чужими именами?..

– О нет, госпожа Чиа, отнюдь не чужими, из столицы было дано точное описание.

Он достал из стола свиток, неторопливо разложил на подставке, придавив скручивающиеся края грузиками.

– Вот. «Разыскивается девушка 18-20 лет. Волосы черные, вьющиеся, длинные. Глаза светло-карие, скорее рыжие». Ну как, госпожа Чиа, у вас ведь действительно рыжие глаза. Читаю дальше: «Кожа смуглая. Лицо обычное, без природных меток, над правой бровью маленькая татуировка, в виде свернувшейся клубком черной кошки».

А вот столь приметную вещь стоило попенять себе в вину. Но никак я не могла расстаться со своей киской. Это была не просто цветная картинка на коже, а как бы продолжение меня, изображение моей сути темнело на лбу. Да и сердце не позволяло зачеркнуть последнее напоминание.

Я постаралась сесть как можно непринужденнее.

– Я – бродячая танцовщица, и это достаточное объяснение изображения на моем лбу. А что до описания, так под него подходит любая чистокровная виларка.

– О нет! – наместник недобро ухмыльнулся, заставив меня похолодеть. – Отнюдь не любая бродячая танцовщица может исполнять «Лунное Сияние» так, как исполняете его вы.

Опять пребольный щелчок по носу. И зачем было выпендриваться, ведь знаю же, что из этого ничего хорошего не выходит! Теперь оставалось только играть в непонимание, но наместник не глуп, он прекрасно знает, что поймал того, кого нужно. И пять тысяч шерлов за мою голову...

Пальцы машинально нащупали нагретый от тепла тела камень на крепкой серебряной цепочке, впрочем, мне иногда казалось, что он теплый всегда. Вырезанная из гагата черная кошка, точно повторяющая изображение на моем лбу. Одежду, конечно, будет жаль, да и вещей, оставленных в трактире, особенно Шайру, но... выбрать не приходится.

Откуда-то из-за моей спины, резко (и как я могла его не почувствовать!) шагнул мужчина, тот самый стражник, что наблюдал за моим выступлением. Толстый ошейник из железа, кое-где покрытого ржавчиной, сомкнулся на шее, больно прищемив волосы.

Гнев, неконтролируемый, дикий, бросил меня вперед, рев, вырвавшийся из горла, ничуть не напоминал человеческий голос, удлинившиеся когти чуть-чуть не достали до лица наместника, помешала натянутая цепь, прикрепленная к ошейнику. Но до конца преобразиться не удалось: холодное железо тут же выпило силы.

Человек, державший цепь, дернул, свалив меня на пол, потом обратился к бледному как полотно наместнику.

– А вы говорили, что помощь вам не нужна.

– Но... – наместник никак не мог совладать с собой. Я лежала на полу, чувствуя, как сила покидает меня, начали медленно холодеть кончики пальцев и ушей. – Но как же люди в городе! Да и Снежок ее не испугался. И в доме полно амулетов от нечисти, у меня во все дверные косяки забиты серебряные гвозди!

Человек рассмеялся, ловко спутывая мне руки и ноги цепью.

– Это же не обычная нечисть. Каеш не бояться серебра, их и поймать-то можно только холодным железом.

– Да, об этом я слышал. Но слышал так же, что кайша³, если на него надеть железный ошейник, не может менять облик.

– Да. Это действительно странно, может, ошейник неплотно прилегал, – он тряхнул меня, проверяя, как сидит ошейник.

От ржавчины начинало саднить кожу, если я не избавлюсь от ошейника в ближайшие несколько часов, то красивые выпуклые рубцы будут обеспечены мне на всю жизнь.

Ну, проверь, проверь, не сомневайся, твой ошейник в порядке, не в порядке та кайша, что тебе досталась, охотник на оборотней. Но сомневаюсь, что с такими, как я, тебе приходилось сталкиваться, потому что на таких, как я, не охотятся, да и вряд ли будут охотиться теперь – по

³ Кау Ши (кайша (просторечное)) – оборотень из семейства кошачьих.

причине быстрого самостоятельного вымирания с помощью преданных врагов и непреданных друзей. Осталась только... Ладно, не буду об этом, и так на душе тяжело.

Соображать с хладным железом на шее оказалось необычайно трудно, было ощущение, что меня лишили всего, что было во мне лучшего, оставив внутри только страшную пустоту и холод.

– Унесите! – скомандовал наместник.

А я и не заметила, что в кабинете появился кто-то еще.

– Все уже подготовлено к отъезду, ждали только вас.

Меня, как куль с тряпьем, всю крест-накрест перемотанную цепями, вынесли на улицу, где уже ждали заблаговременно приготовленные сани, возле них стоял стражник, державший в руках сверток с моими вещами. Безо всякого почтения меня кинули в сани. Наместник уселся на сиденье, накрылся одеялом, еще и ножки в меня упер. Возница свистнул, понукая лошадей, за нами тронулось около десятка стражников.

– Не волнуйся, девочка, – сказал наместник, отечески улыбаясь, – тебе будут рады в столице.

Еще бы! Примут с распростертыми объятиями! Порадуются немного, да и посадят на кол, именно такая казнь уготована разбойникам.

Резиденция наместника успела скрыться за поворотом, как вдруг несколько стражников ни с того ни с сего повалились с седел, если не считать причиной метательные ножи, торчавшие теперь из их тел. Прозвучал, заставив лошадей шарахнуться, а прохожих поспешно разбежаться, вой, в чем-то схожий с волчьим, только с таким зверем и дракон побоится встретиться, – боевой клич клана Шеверов. Эти-то откуда взялись на мою голову?! И почему напали на стражу, им же достаточно было просто позволить довести меня до столицы. Или они сами хотят довершить начатое?

С крыши ближайшего дома скользнула темная тень. Стражники, разъяренные гибелью товарищей, выхватили оружие. Мглистый Волк действовал как мясник, не различая людей и лошадей. Он даже не стал преобразаться, оставшись в человеческом облике, а может, теперь, когда за ним не стояла сила клана, преобразования давались гораздо труднее. Кровь текла сплошным потоком. Наместник тонко по-заячьи закричал, когда окровавленная рука ухватила его за горло. Я старалась не смотреть на лицо мужчины – всегда страшно видеть свою смерть. Он один, но откуда? Почему? Не ко времени я догадалась, что это именно Шевер пел мне вчера приветственную песнь. Поэтому и поспешил скрыться, чтобы я его не узнала.

Шевер отбросил наместника в сторону и склонился надо мной и сделал то, чего я от Волка никак не ожидала – участливо спросил:

– Ты как?

Стук сердца отдавался в висках, я медленно повернула голову. Мужчина окровавленными пальцами ухватился за ошейник, из-под пальцев пошел дымок, но Мглистый Волк даже не поморщился. Он вздрогнул только когда кожи случайно коснулась моя цепочка. От серебра запястье почернело и начало обугливаться. Шеверы все-таки стали нечистью. Хотя тебе ли, Чиа, этому удивляться. Он поднатужился и ошейник лопнул.

Меня будто после душного подземелья выпустили на воздух. Я вскочила, вернее, попытавшись сделать это, запуталась в цепях.

– Нужно уходить, – сказал мой неожиданный спаситель. Спаситель? Действительно. Может, клан Шеверов задумался о том, чтобы начать выплачивать долги?

Этого я узнать не успела. Вдруг глаза мужчины остановились, и он начал валиться на меня. Я резко отстранившись, столкнулась с безумным взглядом наместника. Он задрожал и, выпустив из рук рукоять ножа, торчащего из спины Мглистого Волка, сделал несколько шагов назад.

– Нет! – слышался тонкий детский голос.

Мы с наместником оглянулись одновременно. К нам по улице, захлебываясь слезами, мчался мальчишка лет десяти-двенадцати, маленький и тощий. Не обращая внимания на кровь и мертвецов, он бросился к Шеверу.

– Вайри⁴!

Мне стало нехорошо. Вот и отдал должок. С лишком отдал. Так, что теперь я должна.

И что мне теперь делать? Сама почти вне закона, в кармане ветер гуляет, что я буду делать с ребенком? Мальчишка надрывно плакал, зарывшись лицом в куртку Шевера. Наместник, видя, что я застыла на месте, зашевелился, попытался вытащить нож из спины убитого.

– Стоять! Еще движение – и присоединишься к своим людям!

Глаза мужчины остекленели от страха. Я вытащила из саней свои вещи, прикоснулась к плечу мальчишки.

– Пойдем. Он мертв, его не вернуть.

Плач стал громче.

– Пойдем, здесь опасно оставаться! – я попыталась оттащить его от тела, но волчонок вцепился, как клещ. Пришлось схватить упрянца в охапку и тащить на себе, при этом он отчаянно вырывался.

– Тихо! – рявкнула я волчонку прямо в ухо. – Не то сейчас придушу тебя и брошу здесь.

– Куда ты меня тащишь?

– Подальше отсюда. Наместник видел, как Шевер убивал стражников, слышал, что ты называл Мглистого Волка наставником. Как только придет подкрепление, тебя просто пристрелят.

– Это все из-за тебя!!! – вновь затрепыхался мальчишка.

Я остановилась, поставила его на землю, и посмотрела в синие, как летнее небо, глаза.

– Не соверши клан Шеверов предательства, я бы не оказалась здесь. Твой наставник, отдавая долг, не кинулся бы меня спасать и не погиб бы. Так кто виноват?

Мальчишка открыл было рот, собираясь возразить, но тут же закрыл его и угрюмо насутился.

– Пошли, – я протянула ему руку.

– А куда?

– Прежде всего, нужно убраться из города.

– Куда? – мальчишка топал рядом со мной.

– Не знаю, только подальше.

– А что ты со мной сделаешь? – наконец-то очнулся он.

– Придется тебе побыть моим учеником, если кто-то из клана Шеверов не заявит на тебя свое право, или если ты не найдешь более достойного наставника сам.

– Но я не из клана Шеверов.

– Что?! – я резко повернулась к мальчишке, всматриваясь в его лицо, глаза, проверила кисти рук. Он даже отшатнулся от такого пристального внимания. Зрачки нормальные, руки без шерсти на запястьях – в самом деле не Мглистый Волк, самый обычный человек, даже не тот, кто рожден в союзе человека и оборотня. – Как же ты тогда оказался у него в учениках?

– Он меня выкупил, – мальчик опустил голову. – У отца.

– Ты хочешь вернуться к отцу? – с надеждой спросила я.

– Нет! – вскинулся он, сверкнув глазами, лицо исказилось от страха.

– Ладно. Как тебя зовут?

– Мэйо.

– Хорошо. А меня можешь называть Чиа.

– Да, Вайри.

⁴ Вайри – наставник, учитель.

– А вот наставником называть меня не надо.

– Почему, Вайри?

Я тяжело вздохнула.

– Потому что мы прячемся. Пока все не уляжется, или пока ты не сменишь наставника, для всех окружающих – ты мой младший брат. Так будет проще. Можешь звать меня по имени.

– Хорошо, Чиа, – послушно сказал мальчик.

Может, все не так страшно? Может, не зря Шевер выкупил этого мальчишку?

Ворота мы миновали без всяких осложнений, сюда весть о том, что случилось, не дошла. Стражники проводили нас равнодушными взглядами.

Шастов⁵ через двести дорога раздваивалась. Одна вела в Кумшу – крупный торговый город, а другая... куда вела другая, узкая и не такая торная, я не знала. Туда я не собиралась раньше. Направленная за нами погоня наверняка решит, что мы отправились в крупный город, где легче спрятаться и отправится туда. Ну, может, пара человек проскачет немного по дороге в какой-то безвестный городок. Пара человек лучше, чем десятка три стражников. С таким количеством мне не справиться.

Тот же добрый человек на санях с широкими полозьями, что так облегчил мне вчера дорогу, проехал и здесь, оставив на засыпанной снегом дороге две удобные колеи.

– В снег не вступай, – велела я Мэйо. – Иди только по колеям. Так наши следы будут меньше заметны.

Он кивнул, и мы поплелись неизвестно куда.

Успеем ли мы до темноты добраться до какого-нибудь жилья? Или придется ночевать в поле или лесу? Неприятно, но я переживу. А мальчишка? Простудится. И что я тогда с ним буду делать? Вот ведь свалилось счастье на мою голову! Да еще и ни крошки еды с собой нет.

Шли долго, не останавливаясь. Мэйо, надо отдать ему должное, не жаловался на усталость и есть не просил. Похлюпал, правда, немножко. Наверное, вспомнил бывшего наставника, а потом просто шел за мной, упорно как хвост. Но все же одна я бы шла быстрее.

Тела людей и лошадей перегораживали улицу. Скоро приедут стражники, а пока никто не решался приблизиться, только наместник столбом стоял у саней, глядя перед собой пустыми глазами.

Все понятно. Кайша сумела удрать. Оборотень был в руках этого недоумка, а он не смог его удержать. Никогда не доверяй другим, когда что-то должен сделать сам.

Мастер скай-линь подошел к саням, повел рукой над мертвецом, в спине которого торчал кинжал наместника. Хорошее оружие – холодное железо и серебро. Подойдет для любого оборотня – и для нечистого, и из кланов. Он сам накануне отдал его наместнику.

– Что здесь произошло?

Наместник вздрогнул и перевел взгляд на того, кто был виноват во всех его неприятностях.

– Она сбежала! Она убила всех моих людей и сбежала!

Скай-линь хмыкнул, склоняясь над одним из мертвецов.

– Его покромсали, как кромсают мясо на кухне. И сделали это мечом. А у девчонки только шай шин⁶, он бы сломался от одного такого удара. Скорее здесь поучаствовал вот этот «человек», которого ты убил. А вот и его меч.

Наместник сглотнул.

⁵ Шаст – мера длины. Равняется – 1, 64 метра .

⁶ Шай шин – меч для танцев.

– Я...

Мастер скай-линь дотронулся до мертвого оборотня, погладил по спине, будто лаская. Его пальцы остановились там, где еще оставались мокрые пятнышки от слез мальчишки.

– Кто еще здесь был?

– Мальчик. Он назвал этого убийцу Вайри.

– Куда он делся?

– Кайша увела его с собой! Мы же ведь нагоним ее?! Опять поймаем?!

– Я нагоню и поймаю, – скай-линь резким рывком выдернул кинжал из спины оборотня и воткнул узкое лезвие в глаз наместнику. – Извини, но свидетели мне ни к чему.

Обтерев кинжал об одежду мертвеца, мужчина аккуратно завернул оружие в промасленную ткань, потом в мягкую кожу и сунул в сумку. Этот оборотень нужен ему живым.

Из города он вышел с легкостью, как и его жертва. У этих сонных стражников можно под носом целый город перебить, а они ничего и не заметят.

Гончую ведет по следу не нюх, а какое-то особое чувство, которое позволяет не терять слабую нить следов ни ночью, ни в самую страшную бурю.

Мастер скай-линь был сейчас такой гончей. И все было за него: и выпавший вчера снег, и неутомимое тело, готовое к любым переходам, и удобная одежда, не мешающая движению, и верный аранга в рукаве.

У него были разные жертвы, разные поручения, разные деньги платили ему. Знатнейшие люди не чурались садиться с ним за стол, воины шакья опускали глаза при встрече, признавая сильнейшего. Но никогда у мастера не было такой интересной охоты. Даже заказали ему ее необычно: сразу три человека. Один просил доставить добычу живой и невредимой; второй хотел, чтобы кайша с рыжими глазами сгинула где-нибудь безвестно, чтобы даже слух о ней не дошел до столицы; третий хотел, чтобы кайша осталась жива, но ни в коем случае не попала в столицу. И скай-линь еще не знал, чье предложение примет, хотя плату взял со всех, а может и по-своему поступит, очень уж его заворожала непредсказуемость добычи, ее сладкий, с легкой горчинкой, похожей на червоточинку в свежем плоде, аромат, куда не примешивалось ни капельки страха... Прежде всего у белого братства скай-линей ценилась охота, игра с жертвой, да и с нанимателем тоже, а уж потом выполнение заказа.

Когда-то давно братство было не более чем сборищем убийц и наемников, но постепенно они возвели убийство в ранг искусства, выбрав своей покровительницей Маргш, богиню смерти (богиня, впрочем, взаимностью не отвечала). В ее честь братство и прозвали белым, как цвет траура, хотя сами скай-лини белых одежд никогда не носили, предпочитая черные, а еще чаще, повседневные, те, в которых легче всего раствориться в толпе. Белые воины вырабатывали особое искусство боя и преследования жертвы, передавая свои умения из поколения в поколение, подражая шакья. Много раз Императоры пытались уничтожить братство, но у них ничего не получалось, скай-лини разбегались, как крысы, чтобы вновь собраться через некоторое время. И всегда находились люди, готовые платить за их услуги, хотя и неизвестно каков будет результат, и не обратится ли заказ против самого заказчика – законов и поступков воинов братства никто не мог понять и постичь.

Как ни старалась я идти потише, Мэйю постоянно отставал. Мальчик брел все медленнее, ссутулился, но так ни разу и не пожаловался.

Я остановилась, поджидая его.

– Скоро стемнеет, нужно где-то располагаться на ночлег.

Казалось, сейчас от облегчения он сядет прямо на дороге, и мне дальше придется его тащить, но Мэйю только покорно кивнул.

Мы сошли с дороги и, проваливаясь в снег, направились в лес. Если до сих пор погоня до нас не добралась, значит, можно больше не скрывать следы. Я так и не придумала, как нам расположиться на ночлег, но случай решил все за меня. Войдя под сень деревьев, мы наткнулись на тайше. Это, конечно, не домик лесничего, но и не на снегу спать.

Я выгребла снег из очага, достала укрытые в специальной нише, а потому сухие дрова, там же нашлась щепка на розжиг, и немного сухого мха. Ветер дул с той стороны, где у тайше не было стены, так что с огнем пришлось повозиться. Мэйю пока осматривался, потрогал свисающий из щели клочок сухой травы, потом подошел ко мне, понаблюдав за робкими, но уже крепко цепляющимися коготками за дерево язычками пламени.

– Чиа, – синие глаза сосредоточенно смотрели в огонь. – Огонь живой?

От неожиданности такого вопроса, я слишком сильно дунула. В воздух взвились кусочки мха, пепел и искры. Я закашлялась и потерла глаза руками.

– С чего ты так решил?

– Он танцует. Он красивый. Он живой?

Задумавшись, что ответить своему новоявленному ученику, я подложила в разгорающееся пламя несколько веток потолка.

– Живой. Но не так как ты или я, его жизнь не долговечна. Он живет только пока мы кормим его.

Широко распахнутые глаза теперь смотрели на меня.

– Но люди тоже живут только пока едят.

– Да, возможно ты прав. Но человек в отличие от огня, ест, чтобы жить, а не живет, чтобы есть. Человек умеет размышлять, радоваться жизни, любить, а не просто тупо пожирать пищу, – постаралась я объяснить, как могла. Хотя такие вопросы пристали бы больше ребенку куда младшего возраста, или человеку уже пожилому, решившему пофилософствовать.

Мэйю сосредоточенно покивал. Я вытащила из сумки маленький, на кружку, котелок и, набив его снегом, поставила на камни очага, растапливаться.

– Чему тебя учил твой Вайри? – поинтересовалась я.

Мэйю сглотнул, заморгал. Похоже, зря я спросила.

– Всему.

В углу нашелся веник из веток, и я принялась выметать снег из тайше, пока он не растаял.

– О. Всему и за всю жизнь научить трудно.

– Он и учил меня жизни. А еще читать, писать, считать. Драться, – добавил он уже гордо.

А становится все интереснее, Шевер не только выкупает ребенка у отца, где ему, судя по всему, жилось довольно плохо, но еще и учит. И делает не просто мастера боя, а еще и готовит к жизни, обучает грамоте.

Мэйю, насупившись, стоял посреди тайше. Зря я все же напомнила про погибшего наставника. Мальчишку требовалось срочно чем-то отвлечь.

– Поддай-ка мне мою сумку. Значит, говоришь, наставник обучал тебя драться.

Протянув мне сумку, мальчик кивнул.

– Каким оружием?

– С мечом и без оружия.

– Хорошо. А что ты скажешь об этих двух мечах?

На детском лице искрой вспыхнуло изумление, но оно прожило дольше, чем искра. Мэйю провел рукой над Тишиту, но не купился его ложным блеском, обратившись к Шайре.

– Почему он такой непрочный? Зачем здесь эти отверстия? Он сломается при первом ударе.

– Не сломается, хотя ударять им никто никого не будет. Шай шин, меч для танцев.

– Ну... – разочарованно потянул Мэйю.

– Он необыкновенно остер, чтобы с легкостью рассекать воздух. Он прочен, но никто не использует шай шин для убийства, потому что, если шай шин напьется крови, он онемевает.

В глазах мальчика вспыхнул интерес, кажется, мне удалось его отвлечь.

– Можно? – он осторожно погладил полукруглую узорчатую чашку меча, провел пальцем по потрескавшимся жемчужинам.

Секрет поющих мечей утерян, уничтожен вместе с городом, где их когда-то творили. Сейчас каждый из них стоит больше, чем несколько своих весов золотом, но продать шай шин почти невозможно, каждый из них передается из поколения в поколение в одной семье и слишком известен, чтобы просто так прийти с ним к ростовщику.

– Можно. Покажи мне, чему тебя учил Вайри.

Мэйо взялся за рукоять двумя руками и с легкостью поднял меч, по размерам тот вполне подходил даже для ребенка. Шайра и на такое движение не осталась равнодушной, пропев приветствие на одной ноте.

– Ух... – мальчик замер, держа меч перед собой в вытянутых руках.

– Не бойся. Считай, что это самый обычный меч. Показывай. Но если ты сделаешь что-то неправильно, Шайра тебе подскажет.

Несмотря на долгий переход, Мэйо принялся старательно выполнять упражнения. Сначала в песне меча звучали фальшивые нотки, а слегка изогнутое тело Шайры резко дергалось. Но постепенно он втянулся.

Я завернула Тшиту в ткань и убрала обратно в сумку, достав мешочек с сушеными травами – вода в котелке как раз закипала.

Веточка с крошечными листьями и засохшими, пожелтевшими, а когда-то белоснежными лепестками повертелась на поверхности и утонула в бурлящих пузырьках. По тайше поплыл сладкий запах, будто за стенами не зима, а самый разгар лета. Я отставила котелок в сторону от очага, настаиваться и остывать.

– Ты закончил? – спросила я, услышав, что Шайра замолчала.

– Нет.

Оказалось, что Мэйо стоит и принохливается.

– Подожди, сейчас остынет.

Он кивнул, так и не спросив про еду. Меч вновь запел.

Тайше способен укрыть путника от дождя, принять кого-нибудь и помочь приготовить обед в очаге, обложенном камнями, но обогреть зимней ночью он, больше похожий на беседку, не способен.

Взяв плащ, я растянула его, примотав завязки к столбам, а полы придавила сумкой и футляром для мечей. Плащ выгнулся внутрь, как парус, но ветер в тайше гулять перестал. Может, и переночуем.

– Мэйо, – позвала я. – Хватит на сегодня. Вот, – я протянула ему свою тиску, – Надевай.

– А как же ты? – удивился мальчик.

– Мне и так не холодно, – рубашка из тонкой шерсти и кожаная безрукавка грели плохо, но позже, когда Мэйо уснет, я хотела сменить обличье, сходить на охоту и переждать ночь в теплой шкуре.

Укутавшись в тиску, как в хороший плащ, и грея руки об чуть остывший, но все еще теплый котелок, Мэйо уселся к очагу и посмотрел на меня блестящими глазами.

– Чиа.

– Да? – я потирала плечи, чувствуя, что еще немного – и зубы начнут стучать от холода.

– Скажи, ты ведь тоже из клана?

Оторопев, я посмотрела на мальчишку. Хотя... чему я удивляюсь, ведь его наставником был Мглистый Волк.

– Да. Я из клана.

– А из какого?

– Из Каеш. Клана Спящей Кошки.

– Я так и подумал, когда увидел у тебя кошку над бровью.

– Если ты все знал, то зачем спрашивал?

– Я не был уверен. А почему у Вайри не было на лице волка?

– Потому что он не был наследником клана, – сама не зная почему, я отвечала на все вопросы мальчишки. Чутье говорило, что все нормально, что от моей небывалой откровенности вреда не будет, хоть мне это и неприятно. Прикрыв глаза, я понадеялась, что Мэйю решит, будто я задремала и отстанет, но не тут-то было.

– А почему Кошка Спящая, а не какая-нибудь Нападающая?

Я улыбнулась. Сестренка тоже как-то спрашивала об этом у отца.

– Потому что кошка спит, пока человек ходит по земле.

Мэйю в раздумье отвел взгляд в сторону, видимо что-то переосмысливая, но вскоре вновь встрепенулся.

– Чиа, а скажи мне, как появились кланы? Почему оборотни перестали вдруг быть нечистью?

Что ж, эта тема не так болезненна, она поможет скоротать ночь, не замерзнув.

– Оборотней очень много. Их разновидности включают в себя многие кланы, но ты, я так поняла, имеешь в виду те пять кланов, что охраняют границы Империи?

Мальчик кивнул, осторожно отхлебывая из котелка. Ветер не залетал в тайше, и внутри стало теплее.

– Это давняя история, и она больше похожа на легенду.

Давным-давно, когда Империя была совсем молода и только-только обрела постоянные границы, в ней не было порядка. Завоевательные войны уже закончились, но мир никак не хотел устанавливаться, слишком много было недовольных, каждый хоть один заговор, но старался устроить. В новорожденной Империи царили разброд и хаос. И тогда наступило раздолье для нечисти. Вольготно себя чувствовала любая нечисть, особенно оборотни, ведь они, притворившись людьми, могли без помех прокрасться в любое людское поселение. В любой дом мог ворваться Кау Ши и похитить дитя, Багал – стать на тень и выпить силу человека, Тайраны заманивали в пропасти и пожирали тела сорвавшихся... – оглянувшись на Мэйю, я увидела, что он побледнел и, не отрываясь, круглыми глазами смотрит на меня. – В общем, каждый творил зло сообразно своей природе. У Императора не было людей, чтобы присматривать еще и за оборотнями, ему бы и со своими, человеческими проблемами разобраться. И тогда монахи храма Шу, Вечного Отца Времени, внемлили мольбам людей, и братья-воины отправились сражаться с нечистыми. Многие из них стали святыми, спасая тысячи людей – у оборотней не нашлось сил сопротивляться священным мечам – раданам⁷.

– Они всех их убили?

– Почти всех. Когда оборотней осталась жалкая кучка, пять кланов выбрали представителей и отправили их на поклон к Императору, прося защиты и покровительства.

– А он? Неужели он решил защитить оборотней?! – Мэйю нешуточно увлекла эта история.

– Император был умным человеком, выслушав оборотней, он сказал: «Я могу защитить вас, могу дать вам свое покровительство», – прикрыв глаза, я вспоминала слова, начертанные над воротами крепости Каеш, – «Но я хочу получить за это вашу преданность и службу».

«Что мы должны будем делать?» – спросили оборотни.

«Вы перестанете причинять вред людям моей Империи и будете защищать ее границы».

⁷ Радан – священный меч монахов Шу. По преданию в таком мече находила пристанище душа умершего монаха. Для этого ритуала выбирались только достойнейшие из братьев, наставники и святые.

«Хорошо», – согласились они. И, уйдя из замка Императора, отправились со своими кланами к горным перевалам, которые им надлежало хранить.

Как только оборотни выполнили свое обещание, произошло чудо – они перестали быть нечистью, при этом сохранив все свои способности. Так вот и появились пять горных кланов. Ты еще спать не хочешь?

Мэйю покачал головой.

– А что это за пять кланов?

– Каеш из Кау Ши, Шевер из Шавров⁸, Балоог из Багалов⁹, Тассан из Арсов¹⁰ и Тайри из рода Тайранов¹¹.

– Так ты Кау Ши? – бровки Мэйю поползли на лоб.

– Да, это так.

– А зачем Кау Ши воровали детей? – последовал новый вопрос, продолжающий выбивать почву у меня из-под ног.

– Мэйю! Ну откуда я знаю! Я же никаких детей не ворую! И мои родственники не воруют... не воровали, – тихо закончила я, потом вскочила и подошла к плащу. Хотелось откинуть его в сторону и выйти наружу, вдохнуть холодный ночной воздух, сладкий и свободный от вопросов мальчишки.

– Чиа, а почему ты тогда сказала, что клан Шеверов совершил предательство, из-за которого ты осталась одна, без дома, в плену? – новый вопрос.

В проницательности Мэйю не откажешь, я стиснула зубы, так хотелось рассказать обо всем, сорваться на крик... Но вот легче от этого не станет ни мне, ни Мэйю.

– Хватит вопросов на сегодня. Поспи немного. Здесь уже достаточно тепло. Нам завтра далеко идти.

Мэйю послушно кивнул. Я подкинула еще дров в очаг, прикидывая, чтобы их хватило на всю ночь.

Несколько мгновений мальчишка лежал неподвижно и пытался уснуть, а потом поднял на меня жалобный взгляд.

– Чиа, расскажи хоть что-нибудь. Я все равно не усну. Я... мне страшно.

Шиад любила, когда я рассказывала ей сказки, она складывала ручонки на одеяле и слушала, слушала. У меня уже язык заплетался и глаза слипались, а маленькая полночица шепелявым голосом требовала: «А дальше?»

Вот и сейчас пришлось вспомнить все сказки, что я когда-то сочиняла для младшей сестренки.

Некоторым из них Мэйю внимал, затаив дыхание, некоторые, совсем детские, про шаловливого котенка, вызывали у него только улыбку. Но вот, наконец, блестящие глаза закрылись, и мальчик сладко засопел, чуть и меня не усыпив.

Осторожно я встала и потянулась. Хочешь не хочешь, нужно идти на охоту, а то слышала я, как у моего подопечного в животе урчит от голода.

Чтобы одежда не остыла, я накрыла ею сверху Мэйю, поставила рядом с очагом сапоги...

Лапой все никак не удавалось подоткнуть плащ на место – ткань цеплялась за когти, и оставались щели. Придержав полу зубами, я нагребла на нее снега. Сойдет.

Давно я не ходила на охоту, да и вообще редко преображалась с момента посвящения¹².

Падал легкий невесомый снежок, и деревья за его завесой казались тенями.

⁸ Шавр – оборотень из семейства псовых, волк.

⁹ Багал – оборотень-ворон. Одни из самых неустрашимых и искусных воинов.

¹⁰ Арс – оборотень из рода обезьян.

¹¹ Тайран – оборотень из рода лошадей.

¹² Посвящение – обряд в пяти кланах. Юношу или девушку оборотня без еды и одежды оставляют в лесу или горах, чтобы выжить, им приходится менять облик.

Ищи Чиа...

Там в норе спит твой котенок, и если ты ничего не принесешь, он умрет от голода. Эти мысли подействовали, и вскоре мне удалось поймать пушистого упитанного зайца, опередив рыжую соперницу. Лиса злобно потявкала издали, но убралась. Будь это даже Тэти, лиса-оборотень, она не рискнула бы связываться с Кау Ши, со мной.

А теперь – к Мэйю.

В человеческом обличье, дорогу к тайше я бы не нашла, но широкий нос вывел по собственным следам, уже изрядно присыпанным снегом.

И тут вдруг... совсем рядом от тайше и от Мэйю! Чужой запах! Бросив зайца, чтобы не мешал, я подкралась к домику.

Враг!

Человек?

Кау Ши!

Шерсть на загривке встала гребнем. Что ему тут понадобилось? Конечно же, Мэйю. Я солгала мальчику, когда сказала, что не знаю, зачем Кау Ши крадут детей. Они пьют их кровь, чтобы получить силы для преобразования. Горные кланы были освобождены от таких унижительных поисков силы, черпая ее в своем служении.

Он уже успел забраться в тайше – плащ, занавешивающий вход, был откинут, и отблески пламени плясали на снегу. Совсем еще молодой, почти мальчишка. Даже не сумел совершить полное преобразование. Нужно действовать тихо, чтобы Мэйю не проснулся и не испугался.

Кау Ши почувствовал мое приближение за несколько шагов, резко обернулся, выбрасывая вперед острые когти на измененной, но все еще человеческой руке. Я отбила выпад лапой, обнажила клыки, показывая оборотню, что он ошибся местом охоты. Кау Ши сжался и отступил в угол. Неужели, придя сюда, он не почувствовал, что это место занято другим, более взрослым и сильным оборотнем?

– Нам хватит на двоих, сестра! – прохрипел оборотень.

Мэйю шевельнулся, поднял голову.

– Вон! – преобразование заняло всего несколько мгновений.

– Каеш!!! – пискнул оборотень, догадавшись, наконец, кто перед ним, и одним прыжком убрался из тайше.

Я едва успела натянуть штаны и рубашку, когда Мэйю окончательно проснулся.

– Чиа, а чего это ты полуодета?

– Снегом растиралась. Это полезно.

Мальчик поежился, плотнее кутаясь в тиску.

– И так холодно.

Обувшись и завернувшись в плащ, я обыскала все вокруг тайше, но зайца так и не нашла, зато обнаружила пятно крови на снегу и кучу следов ночного гостя вокруг него.

Погоня изрядно его задержала, так что место ночлега добычи он нашел только после полудня. Постоял на пороге пустого тайше, провел рукой над свежими, но уже остывшими углями в очаге. Сердце кольнула легкая досада: все могло бы уже кончиться, но она тут же исчезла, растворилась – интересная игра должна продолжаться долго, чтобы получить удовольствие не только от результата, но и от процесса.

Мастер скай-линь вышел из придорожного домика и замер, увидев незамеченный им ранее след. Нечеловеческий. С расширяющейся к пальцам ступней и длинными, оставившими отметины на снегу когтями.

Еще одни Кау Ши?

Вот здесь он убегал, а вот здесь достал из тайника сапоги, обулся и... последовал за ЕГО добычей. Мальчишка – вот что его манит. Манит так сильно, что отбивает страх перед старшим оборотнем. Это может помешать.

Мастер скай-линь нахмурился.

При первой возможности соперника нужно уничтожить.

Глава 2

Вышли мы затемно, голодные, невыспавшиеся и замерзшие. Сыпавший всю вторую половину ночи снежок запорошил удобные колеи, и теперь приходилось брести, утопая по щиколотку. Мэйо быстро выбился из сил, начал отставать, пошатываться, останавливался передохнуть, а потом за все время нашего пути в первый раз не выдержал и взмолился:

– Чиа, давай отдохнем немного.

Я молча сняла плащ, сумку перевесила на грудь.

– Забирайся ко мне на спину.

– Чиа! Я тяжелый! Ты устанешь.

– Нам нужно идти, так ты сможешь отдохнуть.

– Но!..

– Кто из нас наставник?

Мальчик послушно вскарабкался мне на закорки. Я укрыла его сверху плащом, запахнув полы у себя на груди. Получился странный горбатый человек с двумя головами.

Мэйо худенький, нести его легко, но все же шла я гораздо медленнее. Можно было бы преобразиться, во втором обличье я с легкостью увезла бы его на спине. Но вдруг кто-нибудь заметил бы мальчика, скачущего верхом на горном льве?! Их, конечно, часто приручают и в неволе разводят, используя вместо собак. Но даже самая прирученная кошка не позволит ездить на себе верхом. Любой догадается, что я – Каеш. Так что остается только скрипеть сапогами по снегу, да поддерживать заснувшего Мэйо, чтобы не свалился.

К полудню мы дошли до деревянного моста через замерзшую реку. На берегу рос боярышник, сияя алыми, не расклеванными птицами ягодами.

Мы с Мэйо обрывали подмерзшие, но сладкие, как конфеты, ягоды, и кидались косточками. Выглянувшее солнце раскрасило нашу жизнь маленьким, но настоящим счастьем.

– Слышишь?! – вдруг насторожился мальчик.

– Кто-то едет!

Из-за холма к переправе выходила еще одна дорога, и вот по ней к мосту выехали сани, запряженные унылой соловой кобылкой. В желтой гриве лошадки запутались непонятно где найденные ею репы.

Возница, завидев нас, привстал на козлах.

– Вы откуда здесь?!

– В город идем.

Мужчина поправил сшитую из лисьих шкур треугольную шапку, натянул вожжи, заставив кобылку остановиться.

– Одни? – удивился он.

– Да.

– А откуда?

– Оттуда, – Мэйо бесхитростно махнул рукой, показывая направление.

– Там же в двух днях пути жилья нет! – вновь удивился мужчина.

Я отряхнула с тиски прилипшие к ткани косточки боярышника, брошенные меткой мэйеной рукой. Что же ему сказать? Подняла голову и натолкнулась на круглые от удивления глаза.

– Госпожа шакья!

Полы тиски распахнулись, и мужчина увидел мой пояс воина, пусть пряжка на нем была всего лишь зеленой.

– Да. Ты случайно не в город едешь?

– В город.

– Можешь нас подвезти?

– Конечно! Залезайте!

До города мы добрались засветло и с удобством, а Мэйю еще и поесть выпросил.

Неизвестный мне городишко назывался Пешта, и был совсем невелик. Вместо защитной каменной стены его опоясывал деревянный частокол, выходя одним боком на берег той самой реки, через которую мы проезжали. Здесь на равнине она полноводно разливалась, наверняка по весне затапливая широкие, покрытые сейчас снегом луга. Пештяне, несмотря на размеры городка, жили вовсе не бедно, только рядом с их городом у берега реки можно было найти чудесную розовую глину, из которой лепилась посуда для приготовления чая. Ни в чем не получался такой ароматный, вкусный и полезный чай. И чем старше чайник, тем выше он ценится. За долгие годы заваривания в нем накапливаются чайные аромат и вкус. И даже если просто залить в такой чайник горячей воды, то она приобретет вкус чая.

Обо всем этом нам поведал болтливый возница, желавший скрасить нашу, а главное, свою скуку.

Я удивилась тому, что при таком уникальном месте такой маленький и неизвестный город. Оказалось, что месторождение принадлежит одному знатному семейству, рьяно следящему за тем, как оно разрабатывается, не слишком ли много глины берется. Это же семейство понемногу продает ценный товар гончарам, тоже передающим свое мастерство только в семье. Так что в Пеште неохотно селили чужаков, ну разве что какой полезный человек будет, например, лекарь, или повар умелый.

И продавалась посуда только знакомым купцам, а уж те, накрутив цену в пять, а то и в десять раз, везли хрупкий, но драгоценный товар к императорскому двору и не только. Ценнее был и расходился лучше только фарфор из черной или голубой глины, полупрозрачный на свету и звонкий, будто хрусталь.

Возница все болтал и болтал, пока лошадка неторопливо плелась на холм к городу. А мне вспомнился дом и круглый пузатый чайник из розовой глины с ручкой в виде журавля и журавлями же, легкими, танцующими на выпуклом боку, и маленькие чашки к нему. Как закусил губу мама, когда Шиад разбила одну из них. И тот маленький чайник, что я купила сама, не пожалела шестидесяти шерлов, опьяненная своим первым выступлением в императорском замке, с какой гордостью я привезла его домой...

– Чиа, – Мэйю дернул меня за руку. – Ты что, плачешь?

Сглотнув, я запрокинула голову, и предательские слезы все-таки не пролились. Возница, услышав слова мальчика, оглянулся, чтобы посмотреть на редкое зрелище – плачущего шакья.

– Нет, Мэйю, я не плачу. Тебе показалось.

Мальчик хотел что-то сказать, но в этот момент мы въехали в ворота.

– Тирш! Кто это с тобой? – окликнул нашего возницу страж на воротах.

– Госпожа шакья с учеником.

– С младшим братом, – поправила я. Нужно что-то делать. Мы с Мэйю заметны, как костер ночью на холме.

– Надолго ли к нам? – спросил стражник, подходя к остановившимся саням.

– Нет. Только переночевать.

Стражник удовлетворенно кивнул.

– Гостевой дом пуст. Зима. Думаю, вы сможете недорого снять комнату.

– А как нам до него добраться? – я слезла с саней и потянула за собой пригревшегося и разомлевшего Мэйю.

– Это вон тот дом, – кивнул стражник на возвышающееся над окружающими домиками двухэтажное строение.

– Спасибо за скрашенную дорогу и быстрые ноги твоего коня, – я слегка поклонилась вознице, толкнув Мэйю в спину. Мальчишка послушно согнулся.

Поблагодарив стражника, и мы отправились искать ночлега.

Гостевой дом поражал аккуратностью и чистотой. Сразу видно, что он в надежных и любящих руках. Стоило переступить порог, как навстречу нам поспешила сухонькая женщина с доброй, но будто наклеенной улыбкой, одетая в опрятную, но не богатую полосатую, бело-желтую тиску, подпоясанную желтым платком. Она, не спрашивая, сможем ли мы заплатить за ночлег, предложила разуться у порога и принесла мягкие, валяные из овечьей шерсти топущки, предложила выпить чаю. Такому ритуальному гостеприимству любой знатный дом бы позавидовал.

По обычаю отказываться от добровольно предложенного угощения нельзя было, хотя принимать его ой как не хотелось. Вся моя кошачья природа восставала против этого, она говорила – заплати за то, что дают, иначе за отданное даром, могут потребовать куда больше стоимости; возьми сама, если сможешь, но не принимай из чужих рук.

Хозяйка усадила нас на низенькие скамеечки за низенький столик, расставила на нем маленькие круглые деревянные тарелки, на которых горками возвышались нехитрые сласти: засахаренные вишни; почти прозрачное и необыкновенно густое варенье из рябины, порезанное кубиками; и маленькие, размером с монетку, соленые лепешки с орехами. Их полагалось есть перед чаепитием, чтобы полнее осознать вкус чая. Мэйо тут же потянулся к ним, но замер, остановленный моим взглядом. А хозяйка продолжала священнодействовать. На столе появился чайник из той самой глины, на его боку цвел шиповник, да сам он был сделан в виде ягоды шиповника, а потом и три маленькие чашки.

Три. Не две. Значит, и хозяйка отведаст с нами чаю, значит, она не только предлагает свое гостеприимство, но и просит о чем-то.

На жаровне закипела вода, в чайник с шиповником отмерян чай, среди скрученных черных листков мелькали сушеные ягоды земляники и земляничный лист. При единении огня, воды, земли и дерева по комнатке поплыл густой земляничный запах. Чашки сполоснуты кипятком. И хозяйка, позволив себе утратить сосредоточенность, вновь начала улыбаться. Теперь можно и поговорить, пока чай настаивается.

– Угощайтесь.

Мэйо вцепился в лепешку, на которую уже давно глаз положил, захрустел. Я тоже прикусила одну, не спуская глаз с хозяйки.

– Меня зовут Тийша Ситран, – представилась она, помолчала, ожидая чего-то. Но мне это имя не было знакомо. – Мой отец владеет глиняным карьером, – продолжила она, так и не дождавшись никакой реакции с моей стороны.

Я молча кивнула. А неплохо устроилось это семейство: единственное в Империи месторождение розовой глины, единственный в городе гостиный дом, битком набивающийся, когда сюда приезжают купцы за готовым товаром.

– Я хочу нанять тебя, шакья, – закончила Тийша.

– Что угодно госпоже?

– В окрестностях завелись кайши, – на миг она бросила на меня цепкий взгляд. – Они нападают на жителей города, крадут детей.

Я приосанилась и распахнула тиску, чтобы было видно зеленую пряжку на поясе.

– Вряд ли я смогу помочь вам, госпожа. Я шайньяр, танцовщица с мечом.

Идеально полукруглые, тонкие брови сошлись на переносице.

– Я неплохо заплачу.

Покачивая головой, я горько улыбнулась.

– Мне даже нечем сражаться. Не шай шин же брать?

Тийша перегнулась через стол, приблизив свое лицо к моему. Сквозь аромат жасминового масла пробивался запах пота и давно немытого тела. Под толстым слоем белил прятались морщины.

– Ты можешь сразиться с ними когтями, Чиа Каеш. А то я и властям могу тебя сдать, если ты не сделаешь этого.

Невольню я отшатнулась, чуть не опрокинув стол. Что, меня каждый второй узнавать будет?

– Я сразу тебя узнала, когда увидела, как тыходишь к дому. И рыжие глаза, и твою кошку. Я хорошо тебя запомнила, когда ты танцевала в императорском замке, – пояснила Тийша.

– Что ж, хорошо. Я избавлю город от Кау Ши.

От вкуса любимого, прекрасно заваренного, земляничного чая замутило.

Мне страстно не хотелось оставлять Мэйю в гостевом доме, я даже сама не могла объяснить почему, но брать мальчика на охоту и вовсе глупо.

После чаепития, уже не спрашивая разрешения у хозяйки, я выбрала удобную комнатку с двумя кроватями, Мэйю тут же устроился на одной из них.

Тийша принесла поднос, уставленный мисочками и плошками, посмотрела на меня, чинно сложив руки на груди.

– Когда ты собираешься на охоту? – в голосе женщины звучало нетерпение.

– Позже. Ночью.

– Хорошо, – кивнув, хозяйка оставила нас в покое.

За окном уже наклюнулись легкие сумерки, но до ночи было еще далеко, можно и подкрепиться, и отдохнуть.

Умывшийся и скинувший тиску и кафтан Мэйю уже сидел за столом, поглядывая на меня и ожидая разрешения приступить к трапезе. Я присела рядом с мальчиком, сняла крышку с глиняного горшочка – по комнате поплыл запах тушеных овощей, приправленных зайчатинной, грибами и ароматными травами. Госпожа Тийша Ситран знала толк в приготовлении еды.

– Чиа, – обратился ко мне Мэйю, после того, как первый голод был утолен. Кажется, у ученика созрели новые вопросы.

– Да, Мэйю.

– Скажи, а это правда, что человек может стать оборотнем?

Я вскинула брови – каждый раз Мэйю умудрялся спросить о чем-то таком, чего я и вовсе не ожидала.

– А с чего такая мысль пришла тебе в голову?

– Ну... – мальчик с надеждой посмотрел на меня. – Я слышал о Поцелуе оборотня, о Кровавом усыновлении...

Не выдержав, я рассмеялась.

– Это просто сказки. Особенно о Поцелуе оборотня. Если я тебя укушу, то на память тебе останется шрам, а уж никак не умение оборачиваться в кота. Ты был учеником Шевера, неужели ни разу не спросил его об этом?

Мальчишка нахмурился.

– Его бы я никогда не решился спросить о таком. Да и не нужно это было.

– Все ясно, ты хотел стать оборотнем, чтобы не отпускать меня одну.

Мэйю густо покраснел.

– Ну да. И один не хотел оставаться.

– Нет, Мэйю, оборотнем можно только родиться. Я могла бы, конечно, усыновить тебя и ты стал бы принадлежать к клану Каеш...

Глаза мальчика заблестели.

–... но при этом остался самым обычным человеком.

Печально вздохнув, несостоявшийся оборотень опустил голову.

– Жалко.

– Мэйю, а ты меня не боишься?

Мальчик бросил на меня недоуменный взгляд.

– Нет. А почему я должен тебя бояться? Вот Вайри... он был страшным. В нем было что-то такое... злое. А в тебе нет. Я не испугаюсь, даже если ты вот сейчас начнешь превращаться.

– Преображаться, – машинально поправила я. Недаром говорят, что дети видят то, что не могут увидеть взрослые.

Пока я размышляла, Мэйю успел пристроить голову на столе и сладко уснуть. Я перенесла его на кровать, выглянула в темное окно. А мальчика одного оставлять мне не хочется все сильнее.

В дверь кто-то тихо поскребся, я чуть-чуть приоткрыла створку, внутрь проскользнула гладкая трехцветная (счастливая) серо-рыже-черная кошка, несущая в зубах толстую хвостатую крысу. Положив подношение у моих ног, гостя обтерлась худым телом о мой сапог, натужно, будто вспоминая, как это делается, замурлыкала.

Поскреблись и в окно, снаружи заглядывали две пушистые морды: черная, одноухая, самого бандитского вида и серая с рыжинкой, куда больше, упитанней и пушистей. Новые гости оставили на полу мокрые следы, а стоило присесть, запрыгнули мне на колени, тычась мокрыми носами в губы, нос, щеки. Я ссадила их на кровать к Мэйю, они тут же принялись обнюхивать мальчика, а потом свернулись клубками в ногах. Трехцветка запрыгнула Мэйю на грудь. Мальчик улыбнулся во сне и обнял кошку.

– Охраняйте! – приказала я.

Подчинять себе кошек из всего клана Каеш даровано было только мне, из-за этого меня и прозвали в императорском замке Госпожой Кошкой.

На всякий случай я еще положила обнаженную Шайру на стул рядом с кроватью. Кто бы, кроме меня ни открыл дверь, шай шин запоем от движения воздуха и разбудит мальчика. Ну а мне пора.

Закреть лапами за собой окно не трудно – хлопнул и можно спускаться дальше. Спрыгнув вниз, я провалилась в сугроб почти по самые уши, взметнув вверх снежинки, заискрившиеся в свете висящего над входом в гостинный дом фонаря. С трудом выбравшись, юркнула в тень, а потом к частоколу, пока собаки, которых в городке наверняка множество, не учуяли Кау Ши. Хотя, если в городе орудуют мои сородичи – собаки здесь пуганные. А если Кау Ши в Пеште постоянные гости, появятся они и сегодня.

Не долго мне пришлось ждать и мерить частокол. Мелькнула размытая тень, не то кошка, не то человек, легко взмахнула вверх, замерла на несколько мгновений, цепляясь за заостренные бревна, и порскнула в город; ровно, будто ее за ниточку тянули, помчалась к гостинному дому.

Боясь опоздать, я рванула следом.

Легко отворив небрежно прикрытое мной окно, Кау Ши скользнул внутрь.

Грозно, будто рог императорского глашатая, взревела Шайра, послышалось кошачье шипение, испуганный вскрик Мэйю. На ходу преображаясь из полностью кошачьего в промежуточное состояние, я преградила Кау Ши, в страхе метнувшегося к окну, выход. Зеленые, как лесная трава глаза расширились, но их почти тут же затопила чернота зрачка, Кау Ши замер на месте, не обращая внимания на то, что две кошки яростно дерут его плечи, а одна клещом повисла на ноге. Оборотень распушил пегую, рыжевато-серую с черными пятнами гриву, стараясь казаться больше; уши с черными кисточками прижались к голове. Преобразись этот Кау Ши полностью, стал бы лесным котом. Но чтобы преобразиться, ему требовалась кровь человеческого ребенка, а этого я ему давать не собиралась.

– Опять ты! – узнала я лесного гостя.

Кау Ши оскалился, рыжеватая шерсть на голове встала дыбом.

– А тебе жалко?! Нам на двоих хватит! – вновь повторил он, теперь куда жалобнее.

Я сделала шаг вперед – Кау Ши отступил.

– Мэйю, положи меч, если ты ударишь, то Шайра – онемее, и тогда я тебя взгрею, неделю сидеть не сможешь.

– Чиа, это ты?! – у мальчишки от облегчения подкосились ноги, и он осел на кровать.

– Я. А сказал, что не испугаешься, – усмехнулась я. Такая клякастая усмешка могла испугать любого воина, но мальчик только счастливо заулыбался.

– Да я не узнал просто. Думал, помощь к этому, лохматому, явилась.

Кау Ши бросил на мальчишку презрительный взгляд, невольно облизнулся.

Я хлестнула его хвостом.

– Еще раз посмотришь так на моего котенка – загрызу!

Кау Ши вскинул темные с длинными белыми волосками брови.

– Котенка! Прости! Я не знал! Я думал, это обычный человеческий ребенок!

Мэйю от этих слов забился в угол кровати. Трехцветная кошка, давно отпустившая ногу оборотня, запрыгнула к мальчишке – успокоить, утешить.

– Сколько вас еще здесь?

Кау Ши что-то попробовал подсчитать на пальцах, помотал головой, попробовал снова...

– Где-то столько.

Из хитрых пальцевых расчетов получалось семнадцать. Много. Даже мне одной не справиться. По-хорошему, следовало бы сообщить в ближайший крупный город, туда, где есть императорская застава, или отправить гонца в монастырь Шу. Но тогда власти узнают и про меня.

Я отцепила фырчащих котов от оборотня.

– Отведешь!

Кау Ши обреченно кивнул, украдкой подобрал и сунул в рот лежавшую на полу крысу. Кошка с кровати возмущенно мяукнула, но мы уже ушли.

– Как тебя зовут? – спросила я, когда мы перебрались через частокол и двинулись к лесу.

– Шиад.

Имя остро отточенным лезвием полоснуло по сердцу – его зовут так же, как и мою сестренку.

Кау Ши недоуменно оглянулся, почувствовав что-то.

– А чаще меня называют просто Огоньком.

– Хорошо, Огонек. Меня можешь называть Чиа.

Логово Кау Ши располагалось совсем недалеко от города. Чувствуя себя безнаказанными, оборотни ничего не боялись, заняв под жилье заброшенный дом лесника.

Дом был добротный, с пристройками, где когда-то обитала скотина. Сейчас же везде витал только острый кошачий дух.

Стоило нам приблизиться ко входу, как дверь открылась и наружу выглянула дряхлая старуха с косматыми седыми волосами.

– Огонек! Кого ты приволок?! И так жрать нечего! А тут еще лишний рот, – беззубо прошамкала она.

– Не бойтесь, я не надолго. И объедать вас не собираюсь.

Нехотя старуха посторонилась, пропуская нас внутрь.

Пятнадцать пар глаз с любопытством уставились на меня, я же в ответ разглядывала их. Да это же самый настоящий сброд! Я-то думала, что столкнулась с каким-нибудь диким кланом. Шестеро, кажется, из лесных котов, таких же, как Огонек, пятеро снежных барсов, один Пятнистый Ветер (а этого-то как сюда занесло?), два песчаных кота и у стены. На специально сооруженной для нее лавке сидела невероятно толстая женщина. Кем являлась она, я так и не

смогла определить, хотя и в отношении других, мои догадки были не более чем догадками. Узнать, каков кошачий облик Кау Ши, когда он находится в человеческом облике можно только весьма приблизительно.

Огонек низко поклонился женщине и нырнул куда-то за занавеску, чтобы через несколько мгновений вернуться уже в человеческом облике и одетым. Мне одежду никто не предложил, поэтому я осталась в промежуточном состоянии. Мой спутник, оказавшийся невысоким черноволосым юношей, почти мальчиком, которого от чистокровного виларца отличали только яркие зеленые глаза, топтался рядом со мной, не зная, что делать. Взгляды присутствующих плавно перетекали с меня на него.

Наконец женщина, явно главная в этом маленьком разношерстном клане, прервала молчание:

– Кого ты приволок, сопляк?

Да, положение у Огонька, невысокое.

Юноша сжался, втягивая голову в плечи.

– Я...

– Тебя посылали за добычей. А ты с чем вернулся?

– Со мной, – тихо вставила я.

– А тебя не спрашивают! – желтые глаза женщины вспыхнули двумя топазами.

Несомненно, она здесь самый опасный противник, остальные так, мелочь. На зеленой тиске, не сходящейся на животе, и на потерявшей изначальный цвет, грязной рубаше до колен виднелись темные пятна, явно свежие. Уж она-то голодной не осталась, и это не вино засохло багровыми каплями на воротнике. И нынешняя неуклюжесть меня не обманывала. Такая масса нужна, чтобы превращаться в крупного зверя. Это я, как Каеш и наследница клана, заимствуя его силу, могу превращаться в кошку гораздо крупнее себя-человека без всяких последствий и дополнительных средств, хотя моего клана уже и нет.

– А я все же отвечу. Мне стало интересно, что же здесь происходит. Кто опять захотел повальной бойни? До Тил-Мерских гор и храма Шу не так далеко, как кажется.

Женщина громоподобно расхохоталась, ее щеки и подбородок затряслись.

– Ты нас пугаешь бойней? Посмотри! Нас жалкие остатки. Ради такой горсти монахи даже не пошевелиятся, они специально оставили нас нагонять страх на людей, для того, чтобы их авторитет не падал.

– Ты думаешь, другие Кау Ши ведут себя иначе? – холодно спросила я.

– А других не осталось, – печально сказал Огонек. – Мы – последние.

Я обвела взглядом обращенные ко мне лица. На миг мне стало страшно, ведь и из своего клана тоже осталась только я. А сколько кланов, получается, исчезли!

– Все оставшиеся в живых Кау Ши – здесь. Так кто же ты? – злобно спросила женщина. – Судя по твоему виду – ты горный лев. А в горных львов преображаются только...

– Святоша! – взвизгнул кто-то.

– Предательница!

– Человеческая прихлебательница!

И я вмиг оказалась окружена разъяренными полупреображенными. В человеческом облике остались только Огонек, старуха, из-за возраста неспособная преображаться, и женщина. Она махнула рукой, останавливая своих подданных. Те нехотя разошлись. Глава клана с трудом пошевелилась, подползая к краю скамьи и... на меня прыгнула, яркая, как пламя, огромная тигрица.

На ходу преображаясь до конца, я метнулась в сторону, опрокинула кого-то, получила тычок когтями, царапнула сама...

Избавляясь от мешающей одежды, полосатая кошка шла на меня. Силой с ней не совладать, она одним ударом сломает мне спину. Значит, будем стараться ловкостью.

Тигрица попыталась загнать меня в угол, подпрыгнув, я оттолкнулась от стены и перескочила через кошку. Больно и обидно укусила полосатую за хвост. Не стоило забывать и о других Кау Ши, всячески старающихся помочь главе своего клана.

Одним сплошным клубком мы выкатились на улицу. Выбравшись из цепких лап, я в несколько скачков оказалась на дереве и уже оттуда прыгнула на тигрицу.

Человеческий разум, казалось, покинул меня, я рвала противницу когтями и зубами. Ей удалось меня подмять, но я перевернулась на спину, задние лапы заработали, терзая вислое тигриное пузо. Острые когти с легкостью пропороли шерсть и кожу, на меня закапало теплое. Тигрица взревела, теперь уже я удерживала ее, вцепившись лапами в полосатые плечи.

Со стуком столкнулись наши клыки, когда обезумевшая от боли тигрица чуть не откусила мне голову. Противница опрокинулась на бок. Воспользовавшись моментом, я порскнула в сторону, потом кинулась вновь со спины, вцепившись в шею чуть повыше загривка.

Горные львы славятся своими клыками и мощностью челюстей. Клыки, выступающие из-под верхних губ куда больше тигриных. Мои дикие сородичи с легкостью убивают буйволов, зверей многожды крупнее себя, если им приходит в голову на них поохотиться.

Тигрица встала на дыбы, стремясь сбросить незваную, кусачую наездницу, попыталась достать лапой. Она хотела опрокинуться на спину и подмять меня под себя, но позвонки под зубами затрещали... Могучая кошка завалилась вперед. Я проворно отскочила в сторону, утерла морду лапой.

На меня испуганными глазами смотрели Кау Ши. От мертвой кошки начали течь струйки черного дыма, более темного, чем ночной мрак, слишком уж часто баловалась тигрица кровью. Вскоре дым валил сплошным толстым столбом – несколько мгновений и от тигрицы остались лишь облезлая шкура, да кости.

Пожевав немного снега, и избавившись от гадкого привкуса, я полупреобразилась, чтобы иметь возможность говорить.

– Кто-то еще имеет что-нибудь против меня?

Все отступили на шаг назад. Только что я на их глазах расправилась с могучей предводительницей клана. Кинься Кау Ши все разом, от меня и клочка бы не осталось. Но каждый боялся за свою шкуру, боялся, что именно он первым попадет под когти.

Вперед, растолкав остальных, вылетел Огонек.

– Каеш! Прими нас в свой клан!

Такого я не ожидала.

Молодой Кау Ши упал на колени, с надеждой глядя на меня.

Кто-то отступил в тень, под сень деревьев, а восемь приблизились и встали на колени рядом с Огоньком.

Прикрыв на мгновение глаза, чтобы справиться с мешаниной чувств, я тряхнула головой.

– Как я понимаю, вы не просто хотите стать Каеш?

Дружный кивок.

– А раз так, то вам придется сильно измениться, забыть о прошлой жизни.

– Мы готовы, – сказал один из песчаных котов, длинные черные кисточки на огромных ушах качнулись.

– Раз так...

Рванув когтями запястье, я начала тот обряд, что, по мнению Мэйо, способствовал превращению простого человека в оборотня. Кровавое усыновление.

Добыча ускользнула, как льдинка из пальцев. Он-то решил, что легко догонит девчонку, обремененную ребенком.

Мастеру скай-линю даже стало немного печально оттого, что столь интересная игра так быстро закончится. Но этой кайше поразительно везло: по дороге добыче встретились сани. Теперь он отставал даже сильнее и, придя в Пешту, уже никого не застал, несмотря на то, что шел всю ночь.

Хозяйка гостиного дома недоверчиво посмотрела на гостя.

– Что вам угодно? Сейчас зима, мой дом закрыт.

– Нет, ничего, – странный невысокий мужчина развернулся и пошел прочь. Все, что нужно было мастеру скай-линю, он уже узнал.

Тийша пожала плечами, мало ли какие сумасшедшие ходят по зимним дорогам. Все, больше не открывать никому.

Женщина прикрыла дверь, отчего-то ладонь, которой она прикоснулась к ручке после странного гостя, отчаянно зачесалась. Потерев руку, Тийша отправилась в дом, не заметив, что на коже вспухли крошечные волдыри.

Скай-линии могли замечать следы и бескровно.

Глава 3

Сады Тайнор Аншэ одно из самых древних мест в столице, они заложены еще до того, как Вилара стала центром Империи, до того, как на трон вззошел первый Император, а небольшой виларский городок только-то и славный, что редкими по красоте садами, разросся и стал столицей целой Империи.

Многажды обитатели сада старились, трухлели, рушились, их место занимала молодая поросль, бережно высаживаемая садовниками на место старых великанов. Крепились только кряжистые могучие дубы, каждую весну они исправно распускали волнистые темно-зеленые листья, а осенью засыпали дорожки крепкими, тугими желудями, вовсе не собираясь дряхлеть.

На нижние ветви великанов горожане привязывали разноцветные ленты: белые – траурные, красные – празднующие рождение. Помня о том, что дуб – это дерево Маргш, богини смерти.

А вот гибкие ветви серебристой ивы украшали все больше зеленые и желтые полосы, просящие об удачном браке.

Есть в Тайнор Аншэ и всяческие диковинки и редкости. Цветы и плодовые деревья, собранные со всей Империи, и привезенные из-за гор.

По лужайкам и дорожкам, посыпанным белым речным песком, или выложенным поде-лочным камнем, бродили ручные лани и косули. В озерах и ручьях лениво шевелили плавни-ками пестрые карпы, прячущиеся под листьями кувшинок и водяных лилий, на них не менее лениво косились большие рыжие и маленькие расписные, пестрые утки, откормленные гуляю-щими в садах горожанами.

Сюда на Тайнор Аншэ выходили окна императорского замка, чтобы Император на рас-свете или закате мог полюбоваться чудесным зрелищем.

Но близость императорского замка не мешает творить под заснеженными сейчас ветвями заговоры.

Солнце играло на сугробах, прячущих под собой лужайки и уснувшие до весны прекрас-ные цветы. По тщательно расчищенным дорожкам, одетый в отороченную собольими мехами тиску из дорогой ткани, прогуливался мужчина, высокий, средних лет. Опущенный капюшон тиски скрывал светлые с проседью волосы, но каждый, заглянувший ему в лицо, понял бы, что это не виларец. По дорожкам прогуливался посол Адна, одной из крупнейшей стран за горами, ближайшего соседа Империи.

Шаг посла был неровен, он то частил, то будто спохватываясь и почти замирал на месте, настороженно оглядываясь по сторонам. А тот, кого он так долго дожидался, все не шел.

– Заждались, господин?

Посол вздрогнул и резко обернулся.

– Обязательно так подкрадываться?

Невысокий старик с выцветшими от возраста до серого цвета глазами рассмеялся, тряся полуседой, заплетенной в косицу бороденкой.

– Умение никогда не бесполезно отточить, хоть на волосок.

– Отчего ты так долго?

– Дела все, дела. Никак не мог вырваться.

– Зачем тогда нужно было назначать встречу на это время?

– Так вы на него назначили, не я, – старик хитро прищурился, от глаз разбежались добрые морщинки. Любой, кто не знал бы, что перед ним глава белых воинов скай-линь, принял бы собеседника посла за весьма приятного и доброго человека.

Посол закусил губу. И в самом деле, старик предлагал встретиться позже, только он не пожелал слушать, настояв на своем, вернее только подумал, что настоял – вон сколько пришлось прождать на морозе.

– Ладно, забудем. Какие новости?

– О, новостей много. Разных. Какие интересуют господина?

– Что Император?

– Император скучает по любимой игрушке. Всячески ее разыскивает, – собеседники неторопливо прогуливались бок о бок. Ни дать ни взять зажиточные горожане, пришедшие в сады глотнуть свежего воздуха и отдохнуть от городской суеты. Только скай-линь не забывал бросать быстрые взгляды по сторонам, чтобы не упустить ни случайного чужого глаза, ни случайного уха.

– Это единственная причина?

– Не единственная, но главная. Императора не радует даже новая шайньяр из клана Тас-сан, хотя ее все за глаза уже прозвали Блистательной¹³. Он скучает по своей Кошке, а тут еще и наследница Тайри исчезла, как в воду канула. Не иначе за подружкой последовала. И купцы его в покое не оставляют, каждый день шлют прошения. Пока Каеш нет, переход закрыт, а это самый короткий путь из Вилары в Адн. Они терпят громаднейшие убытки. А тут еще вдруг второй переход закрылся. У замка Шевер, а сами волки разбежались как дикие звери. То есть ни дальнего, ни ближнего пути в Адн не осталось, – скай-линь довольно улыбнулся, он-то знал причину такого поведения Мглистых Волков. – Какие еще новости интересуют господина?

Посол резко повернулся к старику.

– Ты знаешь, какие! Я заплатил немало, а от твоего подручного ни слуху, ни духу. Армия уже собрана и стоит у границы, а про девчонку ничего не известно! Сколько это будет еще продолжаться? Без Каеш мы не можем открыть переход!

Закончив, я устало опустилась в снег. Новоявленные Каеш зачем-то оглядывали себя с ног до головы, наверное, искали изменения.

– А вы как? – спросила я у тех, кто предпочел остаться в тени.

– А мы останемся свободными, – ответил за всех Пятнистый Ветер. – То, что ты дала нашим братьям, многое дает, но еще больше отнимает.

Я склонила голову.

– Каждый выбирает для себя.

Свободные Кау Ши ушли. Остался только мой новый клан: три лесных кота, два песчаных и три снежных барса. С такими силами можно возвращаться в Каеш и начинать все заново. Только вот глава клана, как участница разбоев, вне закона и за ее голову назначена награда. Можно, конечно, отправиться к Императору, выпрашивать милости. Он, несомненно, не откажет, только удастся ли добраться до Императора. Ведь не зря же ни с того, ни с сего мирные соседи, с которыми прожили сотни лет бок о бок, вдруг напали без предупреждения на мой клан, сметя его с лица земли, сами превратившись в нечисть.

– Чиа, – Огонек тронул меня за локоть.

– Да.

– А что нам делать дальше?

Хотела бы и я знать это. Решение пришло неожиданно. Я поднялась на ноги и сняла талисман наследницы с шеи, теперь он мне больше не нужен, оглядела Кау Ши, остановив свой выбор на одном из снежных барсов, зрелом, взрослом мужчине.

¹³ Блистательная – титул самой искусной танцовщицы с мечом.

– Подойди.

Кау Ши послушно шагнул ко мне.

– Склони голову...

Оборотень отшатнулся от серебряной цепочки, но пересилил себя, сжал зубы и склонил голову, позволив мне надеть талисман ему на шею. Серебряная цепочка коснулась серебристой с черными пятнами шерсти – и ничего не произошло.

Став моими детьми по крови и перейдя в один из пяти кланов, Кау Ши перестали быть нечистой, серебро теперь на них не действовало.

Все восторженно ахнули, видя, что их собрат безнаказанно касается серебра.

– Заклинания против оборотней на вас теперь тоже не действуют, только холодное железо, – оборотни довольно заулыбались. – Но как только кто-нибудь хотя бы помыслит о прежнем, все вернется на круги своя!

– А что нам делать теперь? – спросил мой наследник.

Когда я сказала, куда им теперь предстоит отправиться, – у Кау Ши округлились глаза, на лицах появилась недоверие, похоже, они решили, что я просто хочу с ними расправиться таким изощренным способом.

– Там вас научат быть Каеш и пользоваться новыми умениями, помогут отказаться от старых привычек.

Новые Каеш послушно поклонились и ушли. Остался только Огонек, вызвавшийся проводить новоявленную главу клана. Он почти тащил меня до города, так я устала за эту ночь.

Мэйю, не сомкнувший глаз, сидел на кровати в обнимку с мечом. При виде оборотня он вздрогнул.

– Можешь теперь его не бояться, – бросила я, жадно припадая к кувшину с водой, потом, расставив в углу ширму, преобразилась в человека и оделась.

– Все, Огонек, иди к остальным.

Кау Ши кивнул и убрался.

С наслаждением я вытянулась на кровати.

– Как ты думаешь, побеспокоить нашу хозяйку среди ночи ради еды будет верхом бестактности?

Мэйю молча протянул мне лепешку с орехами и горсть засахаренных вишен, к которым в кармане прилипли кошачьи шерстинки и крошки от лепешки.

Однако долго отдыхать я не стала, несмотря на усталость. Из Пешты мы вышли затемно, в сумках похрустывали припасы, которыми нас оделила хозяйка гостиного дома, даже в кошельке позванивали несколько новых монет. Ни много, ни мало три золотых шерла, все, что мне досталось за победу над оборотнями. Направлялись мы в Кумшу. Я надеялась затеряться в крупном торговом городе.

Будь милостив Пёс Дорог к тому, кто ехал впереди нас на санях, облегчая дорогу.

Мэйю, плетясь за мной, клевал носом на ходу, того и гляди отстанет, свалится в сугроб и заснет там.

– Иди вперед.

– Зачем? – вскинулся Мэйю.

– Чтобы не искать тебя потом по сугробам.

Мальчик послушно пошел впереди.

– Переставляй ноги живее.

– Я спать хочу, – пожаловался Мэйю.

– Что же ты ночью не спал?

– Я за тебя волновался! – возмутился мальчик.

– Ну вот видишь, сам виноват.

– Чиа, ты мне так и не рассказала, что там произошло.

– Какой наглый ученик.

Мэйю быстро притих, даже шагать начал быстрее.

А я раздумывала, в роли кого бы нам предстать, а то меня, кажется, знает каждый второй, кто когда-нибудь наведывался в столицу. Да и денег где бы раздобыть, а то тех, что есть у нас, надолго в Кумшу не хватит. Кумшу город торговый, там люди богатые, а значит и цены на все куда выше немаленьких столичных. Когда я сначала собиралась туда, хотела зарабатывать танцами, но теперь свободной мне оставаться только до первого танца. Подумав-подумав, я придумала одну интересную вещь.

– Мэйю, а ты какие-нибудь фокусы знаешь?

Мальчик покачал головой, глядя на меня ясными глазами.

– Ну ничего, я тебя научу. А песни?

– Песни знаю. Даже отцу нравилось, как я пою.

– Ну-ка спой.

Мэйю, чистым, хрустальным голосом затянул разухабистую кабацкую песню.

– Хорошо. Годится. Только это ты петь не будешь.

– Что ты придумала?

– Мы с тобой будем изображать ученую горную львицу и ее хозяина.

Мэйю только рот открыл.

Всю дорогу до Кумшу мы репетировали. Я заставляла мальчика заучивать новые песни: старинные героические баллады, несколько легких модных песенок.

Мы придумывали разные номера, где Мэйю отдавал мне приказы, а я старательно, а иногда не очень (надо же и развлекать зрителей), выполняла их. Я учила мальчика жонглировать яблоками, ножами и зажженными ветками. Даже в императорском замке не отказались бы посмотреть наше представление. Надеюсь, и торговый люд мы удивим.

Чем ближе к Кумшу, тем все более накатанной становилась дорога, а вскоре мы уже ехали на повозке одного из купцов, решившего быть добрым и подвезти мальчишку с большой черной кошкой.

За что в Кумшу не брали деньги, так это за въезд. Так что здесь нам удалось сэкономить. Стражник у ворот посоветовал Мэйю самый недорогой гостинный дом, в котором мы и сняли комнату на три дня, отдав хозяину за постой все сбережения. Он долго не хотел пускать в дом дикого зверя, мне даже пришлось показать несколько фокусов, доказав свою полную прирученность.

Когда мы остались одни, Мэйю устало присел на кровать и сжал в кулаке пустой кошелек.

– А на что же мы купим поесть?

Я подошла и ободряюще ткнула носом ему в колено.

Утром следующего дня мы затемно выбрались из гостинного дома и направились к торговой площади. Хороших мест в центре было не занять, за них просто нечем заплатить, но вот обосноваться с краешку, рядом с каким-нибудь переулком, нам препятствовать никто не станет.

Мэйю расстелил захваченную с собой циновку на мостовой, достал из сумки яблоки, незажженные факелы и несколько колец, сплетенных из гибких ивовых ветвей.

Люди суетливо шли мимо, не обращая внимания на мальчишку, кто-нибудь изредка бросал любопытные взгляды на меня, но ручные горные львы в Империи не редкость, и прохожие шли дальше.

Мэйю еще раз все тщательно переложил, потом еще раз. Над Кумшу всходило солнце, тушили фонари, народу на площади прибавлялось, кое-где уже начинали свои представления наши конкуренты.

Мальчик жалобно посмотрел на меня и прошептал:

– Чиа, не могу...

Словами я подбодрить не могла, оставалось только лизнуть в нос.

Против воли Мэйю улыбнулся, утер лицо и, зажмурившись, звонким голоском завопил заученные слова:

– А вот дикая кошка! Разные фокусы умеет делать немножко! И спеть! И сплясать! И монеты сосчитать!

Кто-то заинтересованно остановился. Я быстро, чтобы не упустить внимания, встала на задние лапы, сделала несколько шагов, опустилась на все четыре, хвостом стегнув Мэйю по ногам. Мальчик отмер, посмотрел на зрителей, взял кольца, хоть руки у него и дрожали.

Мы делали все, что задумали, а после того, как на циновку упали первые монеты, Мэйю вошел во вкус. Мне и в самом деле пришлось и петь, и танцевать, и мяукать, отсчитывая разложенные в рядок монеты. А еще пройти вдоль ряда зрителей, коих скопилось немало, с шапкой Мэйю в зубах, собирая деньги. Упитанный мужчина в расшитой золотыми нитями алой тиске милостиво похлопал меня по голове, опуская в шапку целый золотой шерл. До чего же опустилась ты, Блистательная.

Когда все закончилось и усталый Мэйю, успевший и сам навystупить, убрал все в сумку, тот самый человек в алой тиске подошел к нему.

– Ты здорово выдрессировал свою кошку.

– Спасибо, господин, но Чернушку дрессировал мой отец.

– А где же он сам?

– Отец давно умер. Я путешествую с сестрой.

– Отчего же она не выступала с вами?

– Она не умеет ни петь, ни жонглировать, да и Чернушка ее не слушает. Она ждет нас в гостинице.

– Это хорошо, что ты не один путешествуешь. Мне очень понравилось твоё представление, и я хотел бы, чтобы ты завтра выступил у меня дома со своей Чернушкой. Хочу порадовать жену и детей.

– Я... Мне надо посоветоваться с сестрой.

– Хорошо. Не думаю, чтобы она была против. Я щедро заплачу. Пусть и она с тобой приходит. Если надумаешь, видишь вон тот дом с белой крышей, я предупрежу слуг о твоём приходе. Меня зовут господин Акшен.

Я ткнула носом Мэйю под колено.

– Спасибо, господин. А насколько щедро?

– Сколько ты там заработал? Не больше пятидесяти шерлов? Я заплачу пятьдесят, а если очень понравишься, могу и накинуть.

Мэйю, приободренный ещё одним тычком, низко поклонился, когда он распрямился, господин Акшен уже растворился в толпе.

В гостинице мы подсчитали заработок за день – получилось тридцать четыре шерла и треть шерла мелочи. Совсем неплохо!

– Чиа, как ты думаешь, нам следует выступать у этого господина? Или нам хватит денег?

Подойдя к окну, я, подцепив когтями занавески, задвинула их, прислушалась к происходящему в коридоре. Никого. И, преобразившись ровно настолько, чтобы говорить по-человечески, обрушилась на ученика.

– Я же предупреждала тебя, чтобы ты не называл меня Чиа! А ты и на площади ляпнул и здесь! Где ты проболтаешься в следующий раз?!

Мальчик сник.

– Я же тихонько.

– У тех, кто может нас искать, острый слух!

Мэйю опустил голову и вдруг начал всхлипывать.

– Прости, я больше не буду.

Растерявшись, я не знала, что делать, но он постепенно успокоился сам.

– Ладно. Что уж теперь. Да, мы неплохо заработали, но этих денег хватит дней на десять, не больше. Так что придется, пожалуй, идти к этому Акшену. Он показался мне порядочным человеком.

– А чего он так расспрашивал про отца, про сестру?

– Не знаю. Но он не пригласил бы тебя придти с сестрой, если бы хотел заманить в ловушку. Я думаю, стоит идти. Это сегодня мы столько собрали, завтра зрелище может приесться, и нам не дадут ни медяка. Вместе с деньгами, что мы заработаем у Акшена, получится кругленькая сумма.

В коридоре послышались шаги. Мы притихли, глядя друг на друга. В дверь тихо постучали. Я быстро преобразилась в кошку.

– Кто там? – спросил Мэйо.

– Это хозяин, юный господин. Не желаете ли, чтобы вам и вашей зверюшке принесли еды?

Старый хитрец разузнал, что мы заработали денег, и решил помочь нам их потратить.

Я посмотрела на невольно сглотившего слюну Мэйо и кивнула мальчику.

– Да, желаю.

Несмотря на свою хитрость, хозяин несколько не набавил, когда просил плату за лепешки, изюм, молоко, половинку жареного цыпленка и кусок сырой говядины.

Мэйо, уминавший курицу с лепешками с отвращением посмотрел на меня.

– И тебе не противно есть сырое мясо?

Я только фыркнула, придерживая сочный шмат лапой и с наслаждением вгрызаясь в него.

После полудня следующего дня мы стояли у порога дома Акшена, и высокий невозмутимый слуга, с волосами скототыми в пучок на макушке длинной острой шпилькой, молча выслушал Мэйо.

– Да, господин предупреждал о твоём приходе, – он завел нас внутрь. – Подожди здесь, я сообщу господину.

Нам достаточно долго пришлось томиться на циновке у входной двери, пока нашли господина Акшена, собрали всех его домочадцев и приготовили комнату для представления.

Дом Акшена был богатым не только снаружи, но и внутри. Богатство и роскошь торчали из всех щелей, будто ничем иным: ни знатностью рода, ни деяниями предков, ни собственной славой – господин Акшен похвастаться не мог.

В большой комнате на стульях и скамьях восседали члены семьи этого господина. Лица всех женщин, даже маленьких девочек, как положено в знатных домах, скрывали темные вуали. Хотя на самом деле женщина должна носить вуаль только вне собственного дома. Исключение – мелхайя, наследница рода или клана, ей вуаль совсем не нужна, она и женщиной вовсе как бы не считается, ну и женщины – главы родов и кланов. А вот горожанкам и крестьянкам лица скрывать не разрешалось. Но, видимо, Акшену хотелось, чтобы у него все было как в самых знатных домах. Дети и жена, дородная темноволосая женщина, были обряжены в дорогие тончайшие шелка и мягкий андский бархат, в их одежде звездами сияли драгоценности. За блистательным семейством притулились любопытствующие слуги. Их никто не гнал.

Для нас расстелили широкий ковер с толстым ворсом, и Мэйо, преодолев робость перед всем этим блеском, принялся раскладывать наши нехитрые принадлежности.

– А кыса не укусит? – спросил, нарушив тишину, маленький мальчик на коленях у супруги Акшена.

Мэйо вздрогнул от неожиданности.

– Нет, Чернушка не кусается. Она очень добрая. А сейчас мы вам покажем все, что умеем!

Семейство Акшена, да и сам господин, были в восторге. Напоследок мне еще и младших Акшенов, облепивших меня, как репы, пришлось покатать на спине. Самый младший стоял рядом с отцом, дергал его за полу кафтана и жалобно просил оставить чудесную кысу дома.

Мэйо это сильно испугало, и он быстро засобирався.

– А может и в самом деле? – спросил Акшен, поглаживая меня за ушами.

Мальчик испуганно покачал головой, прижавшись ко мне, чувствовалось, что ему хочется оказаться как можно дальше отсюда.

– Ну что же... Жаль. Вот, – он протянул Мэйо кошелек, судя по виду там было явно больше пятидесяти шерлов.

– Спасибо! – Мэйо поспешно откланялся.

Из глубины дома доносился рев насильно уносимого от меня младшего Акшена.

Мэйо шел чуть ли не в припрыжку, его не пугали ни темные улицы, ни подозрительные тени в переулках. Заботиться о безопасности мальчишка представил мне.

– Сколько денег! – оказавшись в комнате, Мэйо первым делом развязал кошелек. Новенькие монетки, размером с ноготь большого пальца, переливались теплым желтым светом. Золото. Восемьдесят золотых шерлов.

Пересчитав, Мэйо торопливо прибрал деньги обратно в кошелек и спрятал его в сумку.

– А что мы будем делать теперь?

Я полупреобразилась.

– Отвернись.

Мальчик послушно отвернулся.

Полностью преобразившись в человека, я завернулась в одеяло.

– Можешь поворачиваться. Теперь нам кое-что нужно купить и переселиться отсюда куда-нибудь подальше, туда, где тебя никто не узнает.

– Зачем? – удивился Мэйо.

– Не все же время мне оставаться кошкой. Кошачий облик связывает мне руки. Завтра возьмешь той мелочи, что мы нам набросали на площади, пойдешь к травнику, купишь то, что я скажу.

Недоумевая, слуга все же принес то, что просил Мэйо, – кувшин горячей воды, горшочек сметаны, таз и глубокую миску.

Как только за слугой захлопнулась дверь, я приняла человеческий облик и начала разбирать покупки Мэйо. Отлично, есть все, что нужно.

– Травник очень удивлялся такому выбору, – сказал Мальчик с кровати, внимательно наблюдая за мной.

– Пусть удивляется. Все равно ему ни о чем не догадаться, – я смочила тряпицу в бесцветной жидкости и принялась тереть татуировку над правой бровью. Кожу защипало. Распухнет, но ничего, потерпим. Закончив с татуировкой, я высыпала в одну из мисок пылеобразный порошок из пакетика, что принес Мэйо, добавила воды, размешав все до однообразной кашицы, потом туда же положила густой темно-зеленой смолы и сметаны.

Мальчик наблюдал, как я мажу получившейся смесью на две трети укороченные волосы, не оставив без внимания брови и ресницы. Через некоторое время я вымыла волосы, и тщательно втерла в них желтовато-коричневый густой настой. По комнате поплыл запах горечи.

– Зачем ты это делаешь? – не выдержал, наконец, Мэйо.

– Высохну, узнаешь.

Когда волосы высохли, я больше не напоминала чистокровную виларку, так, полукровку разве что. Все решат, что благородную кровь во мне разбавили тил-мерской или аднской. Волосы стали желтовато-рыжими, жесткими и прямыми, тот же оттенок приобрели брови и ресницы, в напоминание о кошке на лбу остался только красный след, который исчезнет к утру.

– Вот это да! Теперь тебя и не узнать, – Мэйю посмотрел на просвет рыжие пряди.

– Хорошо бы и тебя порыжить, а то никто не поверит, что ты мой брат.

Мальчик от такого предложения даже отшатнулся и яростно замотал головой.

– Я же могу быть и твоим сводным братом!

– Ну как скажешь, а то смотри, травы у меня еще остались.

Покидали гостиницу мы по-разному: я через окно, а Мэйю через дверь. Преобразаться мне сейчас нельзя, а то вся моя маскировка просто-напросто исчезнет: волосы и брови примут изначальный вид. Мальчик объяснил хозяину, на вопрос о том, где же кошка, что он вчера поздно вечером ее продал. Хозяин удивился, но ничего не сказал. А мы, встретившись за углом, направились в противоположный конец города, туда, где было больше вероятности, что никто не узнает Мэйю.

В воздух взвились сотни голубей, ослепительно-белых на фоне надвигающихся темных снежных туч. Реяли яркие флаги: синие с золотом – императорские; алые с охристой облезляной – Тассан; белые с черным вороном – Балоог; зеленые с янтарным конем – Тайри; не было, правда, серого двух оттенков флага Шевер и рыже-черного флага Каеш, но зато их заменили личные флаги вельмож и флаги дружественных государств. Вился с краю даже золотисто-белый флаг Тил-Мера.

Никто не хотел пропустить такого зрелища, как императорские скачки.

В прошлый раз победил тил-мерец, чем Император был очень недоволен. В этот раз наездники уделяли тренировкам куда больше времени, опасаясь императорского гнева.

Зрители уже заняли свои места, а Император как всегда задерживался, считая, ниже своего достоинства приходить вовремя. Подданные должны ждать его, а не он подданных. Но вот, наконец, трубы возвестили прибытие первого лица. Император разместился в своей ложе, и на скаковое поле начали выводить лошадей, попона каждой несла на себе цвета владельца скакуна.

Первыми вели трех красавцев из императорских конюшен. Горячие скакуны стригли ушами и вставали на дыбы от приветственных криков.

– Ну как, Тайри?! – Император обернулся к сидевшему слева от него мощного телосложения мужчине с длинными густыми рыжеватыми волосами, собранными в хвост на затылке. – Сегодня я сумел тебя перещеголять?

– Несомненно, ваше императорское величество. В этот раз вы решили сделать ставку на лошадей тил-мерских кровей? – темно-карие глаза императорского собеседника смеялись.

– Да, – Император довольно улыбнулся. – А то мне надоело, что эти рыжие¹⁴ все время побеждают. Так почему бы моим наездникам не побеждать на их лошадях?

Действительно, все остальные лошади уступали императорским скакунам статью. Пока на поле не вывели белоснежного жеребца в зеленой попоне, по бокам которой красовались янтарные кони.

Император резко привстал, вскинув брови.

Горячий скакун, слыша ропот зрителей, артачился, выгибал лебединую шею, чуть ли не поднимал двоих конюхов на поводьях.

¹⁴ В Тил-Мере рыжеватые волосы – принадлежность аристократии.

- Что это? – Император с гневом обернулся к главе клана Тайри.
- Скакун, ваше императорское величество. Хорошо, правда? Выращен на виларских землях.
- Надеюсь, это не один из твоих родственников? – хмыкнул Император. – Где ты только прятал такое сокровище? – слова Тайри о том, что конь выращен в Империи, заметно его смягчили – появилась возможность утереть нос соседям.
- Я его не скрывал. Баргаш рос на пастбищах Тайри вместе с другими скакунами.
- Что ты делаешь с ним после победы? – с алчным блеском в глазах поинтересовался Император.
- Посвящу Маргш. Только ей пристало ездить на белых конях.
- Император закусил губу. Значит, конь ему не достанется, нельзя отнимать жертву у богини, тем более у самой богини смерти.
- Глашатаи протрубили начало скачек, лошади остановились у натянутой веревки...

Двух других собеседников скачки не интересовали, хоть и сидели они на одних из лучших мест. Беседа их была не столь эмоциональна, но куда более значительна.

Военный министр Империи отчего-то вдруг пожелал поговорить со смотрителем свечей императорских покоев. Это многих бы заинтересовало, если бы хоть кто-нибудь видел, как неприметный старик скользнул в ложу министра, где, кроме того, никого больше не было. Гость плотно прикрыл дверь, чтобы ничье случайное ухо не уловило ни слова. И внимательные глаза военного министра впились в собеседника.

– Какие новости?

Глава воинов скай-линь хихикнул, вспомнив, что другой его собеседник недавно спрашивал о том же и интересовался тем же.

– Какие новости интересуют господина? У меня их много, разных.

В синих глазах министра вспыхнул гнев, породистое лицо исказилось.

– Ты знаешь, что меня интересует!

– Откуда же я могу знать, господин. Я обычный человек, а не огненноглазый шэнт и мысли читать не умею.

Военный министр с трудом справился с собой – не стоило забывать, кто этот хлипкий старик с жидкой бородавкой, заплетенной в косу.

– Есть какие-нибудь новости о девчонке?

– Господин, тот человек, которому вы доверили это дело, очень опытен, но времени прошло слишком мало...

О ярости военного министра ходили легенды, она принесла ему многие победы на поле брани. Не смог он ее укротить и сейчас, вцепившись в плечо скай-линя. Но тот не сделал ни малейшей попытки высвободиться, даже выражение кротких глаз не поменялось, а министру показалось, что он ухватился за металл, а не за человеческую плоть.

– Войска Адна стоят у наших границ! – капельки слюны летели прямо в лицо старику. – Они ждут только одного – открытия перехода! А эта девчонка – ключ к нему! Наверняка аднские шпионы сейчас тоже разыскивают ее! Понимаешь ты это! – военный министр тряхнул своего собеседника, как кот крысенка.

– Я все понимаю. Как только появятся новости, я вам их сообщу.

– Мне нужны не новости, мне нужно знание, что она безвестно погибла где-нибудь под забором. Тогда переход Каеш будет закрыт, так же как и переход Шевер.

– Но купцы очень этим не довольны. Удобные торговые пути закрылись, им приходится делать немалый крюк, чтобы доставить товары через другие переходы.

– Плевать на купцов! Я хочу, чтобы все переходы закрылись! Только тогда Империя будет в безопасности!

Даже скай-линию захотелось отодвинуться от военного министра, чтобы не обжечься об огонь безумия, горящего в его глазах.

Защититься... Но ведь не только переходы с горными кланами защищают Империю, есть ведь еще армия. Та великая армия, что когда-то создала эту самую Империю. О ней мог бы спросить министра глава белых воинов, только не стал. Каждый знал, что за то время, что оборотни защищают узкие горные проходы к Империи, за то время, что их крепости стали замками в переходах, обленилась армия, перестала быть защитой. Так только – на парадах покружиться, да изредка с Тил-Мером погрызться на границе.

Белоснежный жеребец, выставленный на скачки главой клана Тайри, победил, опередив соперников на восемь корпусов. Все, кто ни присутствовал на скачках, с восхищением следили, как легкий, будто облако, несомое небесным ветром, конь пронесся по полю.

Император с удовольствием отметил, как посол Тил-Мера, почтенный Энк-Тан с досадой стукнул кулаком по колену, когда Баргаш обошел выставленного тил-мерцами вороного жеребца. Красивое зрелище было. Будто день и ночь помчались ноздря в ноздрию прекрасные кони, а потом белоснежный легко ушел вперед. Император даже не расстроился, что выставленные им скакуны и вовсе отстали.

– Жалко. Такого красавца и в жертву, – посетовал он, обернувшись к Тайри.

– Я знал, ваше величество, что вас это расстроит, но жертву отменять нельзя, поэтому я позволил себе пригнать еще одного коня. Он единокровный брат Баргаша, от тех же отца и матери, но младше, и ничем не отличим от старшего брата, кроме масти. Хотите, можем пойти посмотреть?

Император с тоской покосился на нетерпеливо переминающегося на месте распорядителя церемоний.

– Сейчас не получится. Нужно объявить завершение скачек, раздать призы...

Девушка в темной вуали, все время молча сидевшая рядом с Императором, вдруг подала голос:

– Я приготовила торжественный танец в честь победителя.

Тяжело вздохнув, Император кивнул.

– Да, Ксаниш. Мы все жаждем увидеть твой танец. Позже, Тайри! Мы непременно посмотрим скакуна позже.

Глава клана Тайри улыбнулся вслед торжественной процессии, выходящей из ложи. Уж он-то знал, чем можно порадовать своего четырнадцатилетнего правителя.

Глава клана Тассан не присутствовал в ложе Императора, ему хватало того, что там находится его дочь, прекрасная Ксаниш.

Всем оделили боги красавицу: высоким чистым лбом; глубокими, как безлунное небо, темными глазами в опавших густых ресниц; пушистыми блестящими волосами; прекрасным гибким телом, глядя на которое любой мужчина забывал обо всем, – только ума забыли вложить в прелестную головку. Ксаниш, несмотря на то, что перешагнула двадцатилетний рубеж, была наивна, как маленькая девочка, но зато не в меру обидчива и злопамятна. Немало золота из кошель Тассана ушло, чтобы потакать капризам дочери, или задабривать тех, кого она обидела. Удача, казалось, постучала в дверь, когда пропала любимая шайньяр Императора из

клана Каеш. Тассан знал, что его дочь танцует с мечом не хуже, он тут же появился с ней при дворе. Но и тут прекрасная Ксаниш так и не проявила себя, не сумев покорить сердце Императора, чтобы занять почетное место рядом с ним. Она все так же, как привыкла дома, капризничала, обижалась на любое, даже хвалебное, слово и – уже порядком вывела Императора из себя. Тассан чувствовал – еще немного, и его дочь попросят покинуть императорский замок.

Сейчас же Ксаниш гордо вышагивала за Императором, ни дать ни взять утка, возомнившая себя соколом.

– Шатрен, стой!

Тассан оглянулся, недоумевая, кто мог назвать его по имени. По пятам за главой клана спешили двое в черных одеждах, на которых серебряными нитями были вышиты перья. Глава клана Балоог и с ним какой-то юноша, кажется, сын.

Балооги так редко покидали свой замок-крепость, что Тассан почти забыл, как они выглядят, а потому невольно вздрогнул, стоило этой парочке приблизиться. Кожа у оборотней Багалов сероватая, волосы торчат прядями, будто перья, глаза пронзительные, желтые, и при бледном лице неожиданно яркие алые губы. Не красавцы. Такой выйдет в темном переулке навстречу, сам все отдашь, даже если не попросит, лишь бы живым остаться.

– Здравствуй, Горх, – вспомнил Тассан имя главы одного из пяти кланов.

– Приветствую тебя, брат! – и Балоог сжал Тассана в объятьях.

Шатрен, не ожидавший такой сердечности, малость опешил.

– Что привело тебя в императорский замок? Насколько я знаю, вы редко покидаете горы.

– Да, ты прав, – Горх дружелюбно улыбнулся. – Но сейчас в Империи неспокойно. Захотелось свежих сплетен послушать, чтобы знать, что в мире творится. Да и на скачки посмотреть.

Тассан вежливо покивал, не зная как избавиться от неожиданного собеседника. Император, вместе с Ксаниш, давно скрылись из виду.

– А ты не выставлялся?

– Нет, ты же знаешь, возле нашей крепости нет пастбищ, нам негде выращивать коней. Это у Тайри луга и поля...

– Ясно. А это правда, что Шеверы напали на Каеш и вырезали их подчистую? – продолжал любопытствовать Балоог.

– Правда. Уцелела только мелхая, наследница клана. Она в это время как раз в императорском замке была.

– А что же Тайри не пришли Каеш на помощь? Они же ближайшие соседи и лучшие друзья.

Тассан только плечами пожал.

– Извини, но сейчас в честь победителя скачек будет танцевать моя дочь, я хотел бы посмотреть.

– Ох! Это ты извини! Не знал, что отвлекаю. Нам бы тоже хотелось посмотреть.

И назойливые Балооги последовали за Тассаном.

Ксаниш аккуратно подвязывала к ручным и ножным браслетам разноцветные ленты, половину зеленых, половину янтарных, ровно восемьдесят четыре штуки вместе. Ее злило, что нельзя никого позвать на помощь, что шайньяр должна сама подвязывать эти глупые, путающиеся в ногах и мешающие рассмотреть какие у нее красивые руки, полоски шелка. И узелки нужно завязывать крепко, потому что лента, отвязавшаяся от браслета во время танца – очень плохая примета. По обычаю, высокородная танцовщица должна быть облачена только в эти самые ленты, браслеты-феянь на руках, от запястий до локтей и от локтей до плеч, и на ногах

от голеней до колен, небольшие шелковые штанишки до середины бедер и неизменную темную вуаль на лице.

Наконец облачение завершено и Ксаниш вытащила из футляра меч. Когда-то шай шин принадлежал ее бабке, а потом перешел к ней. Нежным радужным светом переливались на полукруглой чашке, должной защищать руку, если бы кто-нибудь вздумал напасть на шайньяр, черные жемчужины, изображающие в тонком плетении узоров глаза каких-то невиданных зверей.

Полностью подготовившись, шайньяр подошла к занавеси и прислушалась. Тишина. В зале, там за занавеской, – ни звука. Все ждут ее – Блистательную Ксаниш, пусть этот титул и не принадлежит ей. Красавица улыбнулась, наслаждаясь своей властью. Но вдруг в зале кто-то кашлянул и завопил на месте. Ксаниш захотелось выскочить и пристукнуть наглеца. Она украдкой выглянула в щель меж занавесок. Лица ждущих были невозмутимы и неподвижны, один только Император, опустив голову, что-то чертил пальцем на ковре, служившем сидением.

Совладав с яростью, Ксаниш вышла в зал. Те, кто были воинами-шакья, затянули песнь без слов, приветствуя свою сестру. Но даже в этом однообразном мотиве Ксаниш слышалась насмешка. И она решила отомстить. Отомстить так, как сможет. Сделать героем праздника не любимчика Императора, Тайри, а кого-нибудь другого. Все равно кого, на кого меч укажет ¹⁵. Главное – разрушить планы этого жалкого мальчишки, пусть он и Император.

Обдумывая коварные планы, Ксаниш ни на мгновение не сбилась с ритма танца, недаром же придворные окрестили ее Блистательной, несмотря на непризнание Императора. Пел свою чарующую мелодию меч, прозванный Черноглазкой, настоящее имя знала только хозяйка, мелькали разноцветные ленты, подчеркивая грацию и красоту движений шайньяр. Будто бы в призрачной клетке из движений меча бьется разноцветная птица. Ни одного неверного движения, ни одной фальшивой ноты...

Император совсем пригорюнился. Чиа танцевала жестче, ее движения были более резкими, иногда ее меч срывался на оглушительный визг... но сколько же жизни, огня, души было в тех танцах. Казалось, сердце танцует вместе с шайньяр.

В танцах Ксаниш много красоты, много грации... но совсем нет жизни. Они быстро приелись, стали казаться однообразными и скучными.

Наконец, шайньяр совершила последний изящный прыжок, меч вывел завершающую трель и указал отчего-то на посла Адна.

Император приподнял брови. Может, шайньяр затанцевавшись, закружившись, забылась, запуталась? И сейчас переведет меч на Тайри. Но острое стройного, полуизогнутого лезвия продолжало твердо указывать на посла.

– Что же, шайньяр Ксаниш выбрала героя сегодняшнего праздника. Так пусть он будет героем ЕЁ праздника. А мы отправимся пировать в честь того, кто сегодня выиграл скачки, – сказал Император ровным голосом, поднялся и первым покинул зал. Придворные, гости, шакья последовали за ним, оставив Ксаниш одну.

К дочери подошел Тассан, постоял молча, потом выплюнул негромко:

– Дура, – и ушел прочь.

¹⁵ «на кого меч укажет» – те, на кого кончиком меча указывала Блистательная при завершении танца, становился главою праздника, его центром.

Ксаниш смяла вуаль и зарыдала, закрыв лицо руками. Даже она поняла, что значили слова Императора – он велел ей убираться из замка. А все из-за этого проклятого Тайри! Ничего! Она еще отомстит ему! Неизвестно как, но обязательно отомстит!

– Не стоит так убиваться, красавица, – произнес вдруг рядом мужской голос, густой, глубокий, его лишь чуть-чуть портил легкий акцент.

Ксаниш подняла глаза – перед ней стоял посол Адна.

Этот гостинный дом был подороже того, в котором мы останавливались вначале, но и получше, да и теперь мы могли себе это позволить.

Следующим утром, отъевшийся и выспавшийся Мэйю вострепнулся, увидев, что я куда-то собираюсь.

– Схожу я на базар, – ответила я на его невысказанный вопрос. – Прикупить кое-что, да и слухи не помешало бы пособирать.

– Я с тобой! – тут же вызвался мальчик.

– Что же, собирайся тогда.

Тщательно завернутый в тряпье футляр с мечами и большую часть денег я решила оставить в гостинном доме, припрятав все это между ставен, после чего мы отправились в город на прогулку. Мне нужно было купить новые сапоги и штаны, да и Мэйю одежда потеплее не помешала бы. Могли мы и в богатую лавку направиться, там случались продажи товара с серьезной уценкой, например, того, что залежался на полках, и его побила моль, или он так сильно вышел из моды, что только отпугивал покупателей. Этот товар был довольно качественен, лучше того, что можно купить на развале, но я все же предпочла отправиться на базар, мне нужны были не только сапоги, но и слухи, а где их добывать лучше, чем там, где толчется куча народа?

Мэйю крутил головой из стороны в сторону, до этого ему и рассмотреть-то толком Кумшу не удалось, мешали то усталость, то волнение. От мальчишки градом посыпались вопросы, на которые я только и успевала отвечать. Спас меня базар, до которого мы, наконец, дошли.

Принявшись копаться в куче сапог, я отправила Мэйю к тряпью, выбрать себе одежду. Однако он почти сразу вернулся, притащив необъятного размера голубые женские шаровары, украшенные сиреневыми и розовыми бантиками и предложил мне примерить, намекая на то, что я вроде новые штаны собралась покупать. Я посмотрела на расшалившегося ученика, достала из кучи огромный сапог и надела ему на голову. Мэйю тут же подбочился, будто на него воинскую шапку надели, и отправился дальше копаться в одежде, бросив через плечо напоследок:

– Не хочешь, не надо. Но голубой цвет тебе к лицу.

Наконец, я выбрала подходящую пару сапог и крепкие полотняные, с кожаными нашивками на коленях, штаны, если поверх моих надеть, как раз замечательно будет, еще прихватила большую, местами потертую, но еще способную неплохо греть, шерстяную шаль, а потом пошла посмотреть, как там дела у Мэйю. Оказалось, что выбрать себе что-нибудь полезное мальчик так и не смог, пришлось мне повозиться, заставив его перемерять с десятков тисок и плащей, еще мне приглянулась меховая безрукавка. Она была немного великовата, но если подвязать пояском...

Видя, что мы выбрали, к нам поспешил один из торговцев, он живо посчитал наши покупки, и указал пальцем на голову Мэйю.

– Это брать будете?

Глаза мальчишки сапфировыми искрами блеснули из-под опушки сапога.

– Ну если только он согласится носить это в качестве головного убора каждый день.

Мэйю поспешно скинул сапог в кучу остальных и поправил шапку.

Тряпье обошлось нам в два с половиной шерла. Цены здесь все-таки! Увязав покупки в новый плащ Мэйо, я закинула узел на спину, и мы отправились бродить по базару. Недаром Кумшу называют торговым городом – здесь сходятся многие торговые пути. Именно через Кумшу легче всего добраться из глубин Империи до столицы, а уж оттуда, через переход Каеш – в Адн. Но что-то не видно было на прилавках аднского бархата, так мелькали кое-где жалкие отрезки, не продавалась соленая и вяленая рыба, которую торговцы всегда привозили из Адна, да и самих светловолосых жителей западной страны попадалось очень мало. Скорее всего, это те, кто осел в Кумшу, или не успел убраться до того, как переход Каеш закрылся. Да и купцов из других соседних стран почти не видно, лишь мелькнет кое-где смуглый желтоглазый тил-мерец или важный, как индюк, темнокожий ситранец в расписной тиске и сапогах с загнутыми носами.

Слухи же были еще беднее: каждый второй считал, что грядет какая-то беда, поговаривали даже о том, что спящее на дне океана чудовище Шиму воспрянет ото сна и поглотит, утащит в пучину, приморскую часть Империи.

Будь у меня усы, я бы в них посмеивалась. Знаю я это чудовище, только спит оно не в море, а за горами, и зовут его Адн.

Бродили мы довольно долго, Мэйо не выдержал и потянул меня за рукав.

– Может, чем-нибудь подкрепимся?

– Конечно.

Мы подошли к лавке, в которой продавались колбасы и копченое мясо, по соседству располагалась лавка хлебника, чтобы покупателям далеко не ходить. Пока я отвлекалась на покупку хлеба, Мэйо успел скормить половину своей колбасы лежащей в грязи у лавки колбасника собаке.

Крупная, мохнатая зверюга с жадностью проглотила подачку, чуть не оттяпав угощавшему пальцы. Мэйо с улыбкой погладил псину по голове. Широкий розовый язык лизнул руку мальчика, а вот песий хвост даже не пошевелился. Да и вообще двигалась собака как-то странно.

Колбасник, видя мое внимание к псине, сказал:

– Она уже три дня тут лежит. Под телегу угодила, вот задние ноги и отнялись.

– Мэйо, – я подошла ближе к мальчику. Собака, почувствовав во мне оборотня, грозно зарычала и даже попыталась встать, но у нее не получилось. Зверь рухнул обратно в грязь, заплакав от боли.

А я с удивлением смотрела на пронзительные серо-голубые глаза. Пес был чудовищно грязен, но я все же рассмотрела белую морду, темно-серую гриву и чуть более светлую шерсть на теле. Чей-ни. В Тил-мере, на родине этой породы, чей-ни используют как овчарок, а в Виларе их же обучали совсем иному, превратив в бойцов и охотников на людей. И там и здесь чей-ни ценятся очень дорого, за одного пса платят почти столько же, сколько за породистого скакуна. Они очень умны и преданы хозяевам, почему же столь ценный зверь оказался на улице, в грязи? Ответа я не знала.

– Чиа, давай возьмем ее себе! – взмолился Мэйо, жалобно заглядывая мне в глаза.

Я представила, как мы носимся по дорогам с полупарализованной собакой на руках, а та при каждом удобном случае норовит меня загрызть. Пожалуй, не будь эта зверюга в таком плачевном состоянии, она была бы не менее опасным противником, чем тигрица.

– Нет! – твердо сказала я, отводя взгляд от умоляющих синих глаз.

– Но...

– Мэйо, поверь мне на слово, мы не сможем заботиться об этой собаке.

– А может, давай ее отнесем тому господину, у которого мы выступали. Мне показалось, он добрый.

– Я думаю, он перестанет быть добрым, если мы принесем ему такой подарочек. Пес весит больше, чем взрослый мужчина, мы с тобой его просто не донесем.

– Это она.

– Что?

– Это психа!

– Все равно.

– Но она умрет от голода!

– И прокормить ее мы не сможем.

– Но...

– Хватит! – собаку и в самом деле было жаль. Смерть от голода и холода. Врагу не пожелаешь.

Я подошла к псине, вручив Мэйю узел с одеждой, достала нож. Собака, казалось, почувствовала, что я хочу сделать, перестала рычать, доверчиво подставив горло.

– Эй, вы что делаете?! – заорал колбасник. – Забирайте теперь эту пададь!

Не слушая его криков, я, взяв Мэйю за руку, отправилась прочь.

Мальчик вырвался и закричал, по щекам его катились слезы:

– Зачем ты это сделала?!

– Она все равно бы умерла. Только не так легко. Она калека и не смогла бы добывать себе еду, а для слабых на улице нет места. А представь, наступили бы холода, а она даже не смогла бы никуда спрятаться! Я лишь избавила ее от мучений.

Мэйю стоял и плакал. Мне тоже было здорово не по себе, но я старалась не подавать виду.

– А если я вдруг заболею? Или охромею? Или... – он судорожно вздохнул. – Со мной ты так же расправишься?

– Но ты не болен и не хром. Никто из нас не знает, что он сделал бы в той или иной ситуации.

– А если она бы выжила?! Выздоровела!!!

– У нее была сломана спина.

И я направилась прочь. Мэйю немного постоял, а потом все же посеменил за мной, но вдруг резко остановился и дернул меня за руку.

– Смотри!

У тела мертвой собаки стоял молодой пес. Кудрявый, рыжий, но все же на его морде угадывалась более светлая знаменитая «маска» чей-ни. В зубах он держал ошипанную курицу, явно стащенную с какого-то прилавка. Пес озадаченно посмотрел на мать. Положил добычу перед ее мордой, подтолкнул носом.

Мэйю, закусив губу, ненавидяще посмотрел на меня.

– Вот видишь! Она была не одна. Было кому позаботиться о ней!

– Наверное, ты прав...

Тут щен принялся сам уплетать принесенную добычу.

– А может и не прав. Может, я спасла жизнь этому рыжему, ведь теперь ему будет легче выжить.

Насупившийся мальчишка, так и не пожелав признать мою правоту, молча поплелся позади.

И тут, то ли боги и в самом деле решили наказать меня за собаку, то ли удача от нас отвернулась – дорогу заступили четверо. Мы как раз шли по узкому переулку к гостинице, и смрад отбросов на мостовой скрыл запах засады. Я попыталась отступить назад, но там стояли еще двое. В их руках блеснули ножи. Одежду придется заново покупать...

– Нехорошо красть! – я обернулась к тем, кто встречал. В их руках как по команде из-под широких плащей появились небольшие, но мощные самострелы. С такого расстояния они вряд ли промахнутся.

Полупреобразившись, я могу потягаться в скорости со стрелами, но вот Мэйо. Его я спасти не успею.

Те, кто стоял сзади, подошли, в поясницу мне уперлось лезвие ножа. По коже пробежала дрожь – клинок был из холодного железа. И где только уличные грабители его взяли! Хотя, это же самое дешевое и ненадежное оружие. Для всего, кроме охоты на оборотня.

– Мы не воры! – разнесся в переулке звонкий голос Мэйо. – Мы ничего не крали!

– Как же не крали? – возразил один из встречавших, на его лице появилась подленькая улыбочка. – Вы украли место на площади. Украли зрителей. А потом ничего не заплатили.

– Кому мы должны были платить? – устало спросила я.

– Надзирающему.

Кажется, нам пришлось столкнуться с местным воровским братством. Надзирающему и в самом деле платят все воры, попрошайки, а так же актеры и музыканты, случись им выступать на улице. Я как-то об этом забыла, и теперь мы поплатились за это.

– Так давайте мы заплатим. Сколько нужно? – потянулась я к кошельку, надеясь уладить дело миром.

– Раньше нужно было платить. Теперь Надзирающий хочет, чтобы вы были наказаны.

Ловкие руки обшарили меня, сняли кошель с пояса. Они находились так близко, но попробуй я преобразиться – нож вонзится мне в спину.

– Ну что? – спросил один из тех, что держали самострелы. Тот, кто разговаривал со мной, по-видимому, предводитель, пересчитал деньги.

– Мало. У них еще должны быть шерлы за продажу кошки. Где они?! Обратился он ко мне.

– Говори! – державший нож у моей спины чуть сильнее нажал на рукоять. Лезвие прорезало кожу.

Я закричала от дикой боли.

– Ты что?! – рявкнул предводитель. – Нам велено их наказывать, а не убивать!

– Но ведь я тихонько! – оправдывался грабитель.

Отлично, значит, они не знают, что я Кау Ши.

– Так где деньги?

Новый укол. Я закусила губу, из глаз непроизвольно брызнули слезы.

– В гостином доме! – крикнул Мэйо.

– Идем.

Хозяин видел, кто нас привел, но и пальцем не пошевелил, чтобы помочь.

В комнате грабители перевернули все, что только можно, но моего тайника не нашли.

– Мы все потратили, – выдавила я, пытаясь оправиться от нового приступа боли, на спине уже наверняка язва образовалась. Холодное железо разъедало тело с ужасающей скоростью.

– На что же? Где же те покупки, которые потребовали таких затрат?

Я молчала, не зная, что придумать.

Тогда он схватил жалобно пискнувшего Мэйо и прижал нож к его горлу.

– Где деньги?

– Вам же велели нас не убивать!

– Но велели и наказывать. Можно, скажем, ухо отрезать. Или глаз выдавить, зачем мальчишке два глаза?

Мне стало понятно, что он не шутит. Подойдя к окну, я вытащила спрятанный между ставен мешок. Его тут же вырвали из моих рук. Грабитель нашел кошелек, довольно улыбнулся, а потом вытащил футляр с мечами.

– А здесь у нас что? – он вытащил на свет празднично засиявшего Тшиту, а потом и Шайру. Странно, но она, чуткая на любое движение, не произнесла ни звука. Недаром же мне казалось, что этот меч обладает каким-то собственным разумом.

Не заинтересовавшись старым мечом, грабитель отбросил его в сторону. Шайра упала на кровать, скользнула в щель возле стены и упала на пол, будто спрятавшись. А Тшиту он вновь уложил в футляр и сунул под мышку.

– Уходим. И не смейте больше показываться на площади или еще где. Увидим, что выступаете – порешим. Такова воля Надзирающего.

Как только за грабителями захлопнулась дверь, Мэйю кинулся ко мне и зарыдал, уткнувшись носом в мою тиску.

– Тише, тише, – я погладила по черноволосой, кудрявой голове. – Все в порядке, они ушли, – объятия мальчика причиняли боль, он задевал рану на спине.

– Они забрали все деньги! А теперь мы больше не можем выступать!

– Ну... зато они не забрали Шайру. А главное – мы живы. И у нас есть руки, ноги и – голова. Что-нибудь придумаем, – я щелкнула его по носу.

– А что мы можем придумать? – Мэйю уже успокоился. Он отпустил меня и вытер глаза.

– Что-нибудь да непременно придумаем, – я снимала одежду, рану необходимо промыть.

Тиску придется зашивать и застирывать, безрукавку и рубашку тоже. Мэйю вскрикнул, увидев рану у меня на спине.

– Как он мог тебя так сильно ранить?

– Хладное железо. Оно смертельно опасно для оборотней, особенно ржавое.

– Но ведь ты не простой оборотень!

– Ну и что.

Я попыталась промыть рану, но у меня ничего не получалось. Мальчик забрал миску с водой и тряпку.

– А сталь? – спросил он.

– Нет. То, что закалялось в огне, не причиняет вреда оборотням. Для нечистых – серебро и хладное железо, для таких как я – только хладное железо.

– А медь, бронза, золото?

– Раны, нанесенные оружием из этого металла почти не страшны для нечистых, мне – опаснее, но если вовремя преобразуюсь, раны затянутся. Для нечистых куда опаснее оружие из дерева, кости, камня, например, янтара и гематита, раны от такого оружия не зарастают мгновенно, заживают как на обычном человеке, переходя из преобразования в преобразование.

– А на тебе? – тут же поинтересовался Мэйю.

– Ты меня случайно не убивать собрался? – с улыбкой спросила я.

– Должен же я знать от чего тебя защищать!

Я хмыкнула.

– На мне раны от такого оружия заживают почти мгновенно. Что-нибудь еще хочешь узнать?

– Да. Почему железо так влияет на оборотней? Почему хладное железо? Почему не сталь?

– Я точно не знаю. Но считается, что железо разъединяет личины человека и зверя, и это ведет к гибели оборотня. Поэтому, когда на оборотне надето что-то железное – цепь, ошейник, колодки... он не может преобразиться. А хладное железо. То железо, что ковали способом холоднойковки. По тем же легендам в нем сохраняется стихия земли. В стали же ее выжигает огонь.

– А при чем тут стихия земли?

Мэйю смотрел не отрываясь. Не отвертись ведь.

– Когда-то оборотни сильно обидели богиню земли Ааншу, они сказали, что раз наполовину люди, наполовину звери, то не являются ее родными детьми, предпочтя родство с огнем и небом. Ночным небом. Богиня сильно обиделась и сказала, что тогда она разъединит две сущности в оборотнях, и раз они ей по крови не родные, то ее кровь и будет разделять. А кровью Ааншу называют железо. Вот так-то.

– Понятно, – кивнул мальчик, отжимая розовую от крови тряпку. – Все, вроде. Больше не течет.

– Спасибо, – я на миг полупреобразилась. Рана тут же зажила, оставив только выпуклый рубец. Теперь в шерсти проплешина будет.

– Кстати, если в оборотня брызнуть кровью, когда он преобразается, или водой, в которой долго лежало серебро, можно остановить преобразование.

Мэйо рот открыл.

– А как же рассказы о том, что оборотни пьют кровь для того, чтобы преобразаться?

– Так ни в одной из сказок нет того, что оборотни в крови купаются.

Мальчик задумался и умолк. Хорошо, что я отвлекла его от произошедшего. Теперь, когда он успокоился, будем думать о том, как нам выкручиваться. Можно уйти из Кумшу в другой город, неподалеку их много, но для этого нужны деньги. За вход в Кумшу плату не берут, а вот за выход берут, да еще как. И из города никак не выберешься, кроме как через специальные, выходные ворота. А там стража не пропустит, моли, не моли.

Если отправиться красть, об этом может узнать Надзирающий, и тогда нас убьют.

Продать что-нибудь ценное? Но что у нас есть, кроме Шайры?

Меч, завернутый в тряпки, лежал на стуле. Если его увидит знаток, он сочтет меня воровкой, или, что еще хуже, признает. На миг мелькнула святотатственная мысль – выковырнуть одну из жемчужин на эфесе меча. Пусть она и потрескавшаяся, но за нее можно выручить шерла четыре золотом, как раз чтобы нам с Мэйо покинуть город.

Но это значило – покуситься на то единственное, что мне осталось от матушки. Мне стало противно самой себя. Нет! Никогда!

И тут я вспомнила предложение Акшена. А ведь на этом можно неплохо заработать. Нет, к Акшену ходить нельзя. Его дом на площади, все сразу вспомнят, что Мэйо уже вроде как продал кошку. А вот на базаре...

– Мэйо! Я придумала!

Глава 4

Почти всю ночь мы обсуждали предстоящую авантюру. Мэйо она не понравилась, но ничего лучше он предложить не смог.

– Не расстраивайся. Я убегу и вернусь к тебе.

– А вдруг что-нибудь случится?!

– Но что может случиться? Со мной?

Мальчик вздохнул и согласился.

Затемно мы вышли из гостиницы, забрав все вещи. Получив деньги, Мэйо должен был немедленно уходить из города и ждать меня в ближайшем лесу. Здесь была загвоздка – я могла задержаться, и ему пришлось бы провести там часть ночи. Но Мэйо храбрился и убеждал меня, что справится. Я же обещала постараться нигде не задерживаться и к ночи его догнать. Так же мы договорились о том, что я сама укажу на того, кому меня продавать.

Преобразаться пришлось в темном переулке, почти таком же, как тот, в котором нас грабили. Мэйо свернул мои вещи и сунул в мешок, потом натянул на меня заранее приготовленный кожаный ошейник, привязал к нему веревку и повел на базар – продавать.

Мы забились куда-то в середину звериных рядов. Слева старик в квадратной, сплетенной из соломы шляпе, продавал серых щенков, выдавая их за чей-ни; справа парень с десятком клеток торговал ручными горностаями. Зверьки метались по клеткам, блестя черными глазками. При виде меня они заскакали еще быстрее, в воздухе разнесся неприятный запах. Продавцы нехотя подвинулись, давая Мэйо место.

Покупателей на столь редкий товар, как взрослая горная львица, не находилось. Кто-то приценивался, гладил, но все уходило.

Мэйо замерз, сначала запустил руки в мою шерсть, а потом и вовсе прилег мне на спину, прижавшись в поисках тепла. Я задремала: сказывалась бессонная ночь. И тут вдруг над нами раздался голос.

– Эй, парень. Ты спишь, или продаешь?

Мэйо вскинулся.

– Продаю!

Я оглядела покупателя. Высокий, повыше большинства виларцев будет, да и пошире, могучий, светловолосый. Аднец.

– А она хорошо приручена? – говорил покупатель чисто с едва заметным акцентом, видимо давно живет в Империи. Не стар, едва за тридцать перевалило. Интересно, а зачем ему горная львица?

– Хорошо. Не сомневайтесь, господин. А еще разным фокусам обучена. Может плясать, петь, считать.

– Нет, это мне без надобности, – улыбнулся мужчина. – Мне спутник надежный нужен, а не плясунья.

– Так купите собачку! – тут же встрял старик, суя белобрысому в лицо всю свою псарню.

– Нет, – мужчина отстранил щенков. – Сколько с ними забот, пока вырастишь. Да и к горному льву я привык. Мой на днях скончался от старости.

Он так и сказал «скончался», не «сдох», а «скончался». Хотя, может аднец не совсем владеет языком.

– А чем же вы занимаетесь, господин? – спросил Мэйо, прижимаясь ко мне.

– Я путешественник. Ученый. В моем деле без надежного спутника нельзя.

Я хлестнула Мэйо по ногам хвостом, давая знак, чтобы продавал.

– Хорошо. Сто шерлов.

– А не дороговато ли? – нахмурился мужчина.

– Здоровая, сильная, молодая кошка. Совсем ручная, а умная какая! – принялся расхваливать меня Мэйо.

– Я куплю! – откуда-то из толпы вынырнул невысокий невзрачный мужчина. – Не берете, господин? Тогда я возьму.

– Нет, беру.

– Вдвое даю цену!

Мэйо растерянно посмотрел на меня. А я не сводила глаз с нового покупателя. Он теперь был не в стражничкой форме, но я сразу узнала того, кого приняла поначалу за охотника на оборотней.

Скай-линь! Как я сразу это не разглядела. Шерсть вдоль спины встала гребнем.

– Давай, паренек. Неплохую цену ведь даю.

– Зачем вам кошка? – спросил Мэйо.

Я предупреждающе зарычала.

– Я видел, как ты с ней выступаешь. У меня большая труппа, мне пригодится такое ценное животное.

Так вот кто науськал на нас Надзирающего. Он следил за каждым нашим шагом в городе. Непонятно только, зачем я скай-линю. Неужели он решил заняться мной из-за награды, или его кто-то нанял?

– Нет, – твердо сказал Мэйо. – Я уже пообещал этому господину. Он первым подошел.

Стой! Мэйо, не продавай! Иначе ты один на один останешься с этим!..

– Удачная покупка, – скай-линь улыбнулся аднцу. Не хотите перепродать? Три цены дам.

– Нет, – покачал головой светловолосый. – Взрослого горного льва не так часто продают.

Я решила преобразиться, чтобы прекратить все.

– Жаль. Что ж, тогда хочу сделать вам подарок, – рука скай-линя метнулась из-под плаща, и на моей шее защелкнулся железный ошейник, обшитый кожей. Скай-линь протянул цепь моему новому хозяину. – Горные львы могут быть строптивы, пока не привыкнут к новому хозяину.

И он ушел, мерзко улыбаясь.

Аднец отдал деньги Мэйо, и тот пошел прочь. Я рванулась следом, но цепь удержала, чуть не удушив. Мой новый хозяин постоял немного, подумал.

– Давай-ка мы проводим твоего прежнего хозяина, а то что-то мне не понравился этот тип. Еще ограбит мальчишку.

– Эй, парень, стой!

Не отстал Балоог и после праздника. Тассан решил, что он и домой к нему отправится. Видно, что глава клана Лунного Ворона хочет о чем-то поговорить, но все никак не решится.

«Совсем они там одичали, в своей глуши», – подумал Тассан.

Наконец, уже почти на пороге чужого дома, Балоог решился. Он остановил собеседника, зачем-то оглянулся на своего спутника.

– Шатрен, у меня к тебе важное дело.

– Какое же? – Тассан с тоской смотрел на пушистый, пока еще редкий снежок, которым, наконец, разродились заполонившие с утра небо тучи.

– Я хотел попросить руки твоей дочери для моего сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.